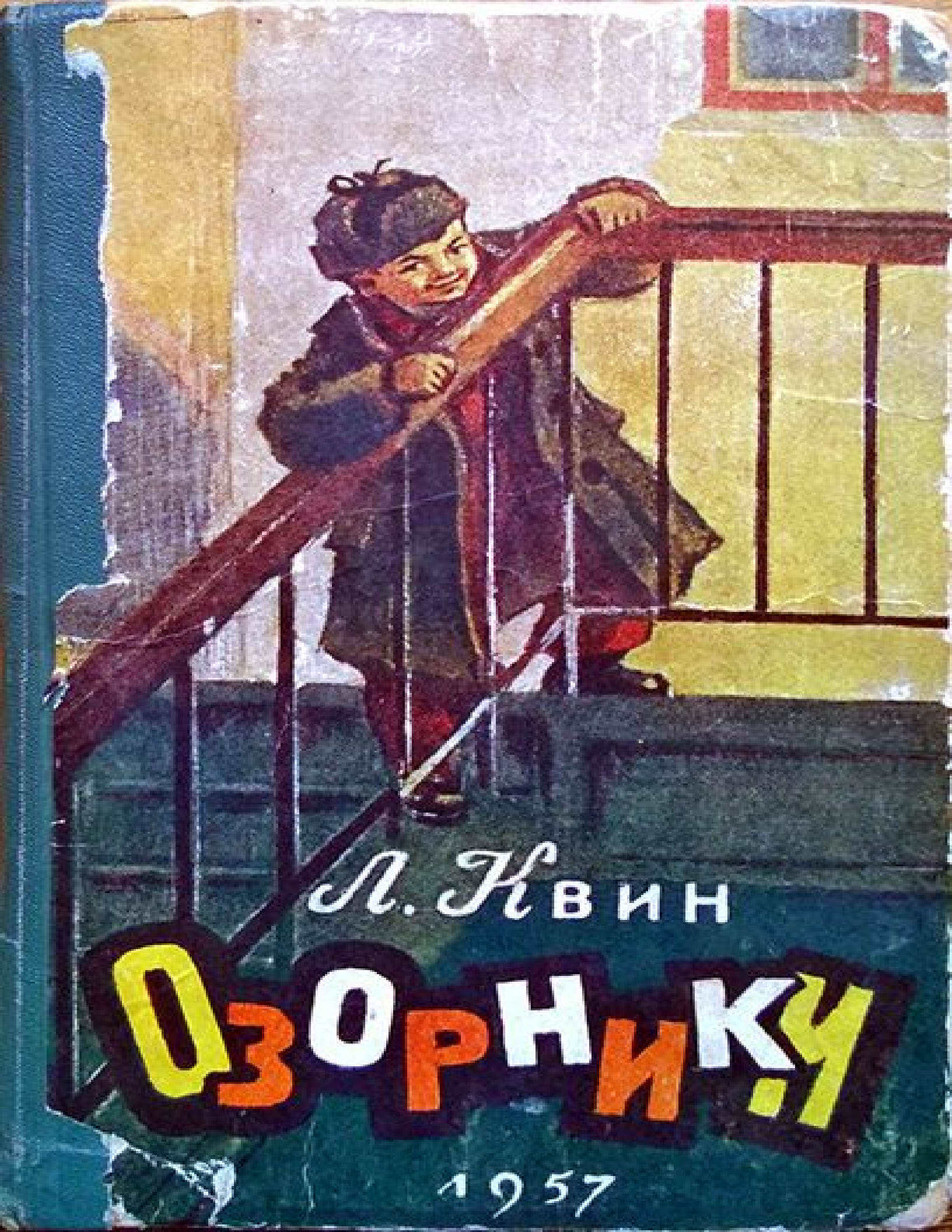

A colorful illustration of a young boy in a dark winter coat and a fur hat, smiling as he leans over a balcony railing. He is holding a long, thin, reddish-brown object, possibly a telescope or a long stick, which extends diagonally across the frame. The balcony has a dark railing and a yellow wall with a window in the background. The overall style is that of a mid-20th-century children's book cover.

Л. ЖВИН

ОЗОРНИКУ

1957

Annotation

Веселые рассказы о мальчишках.

- [Лев Израилевич Квин](#)
 - [Труба центрального отопления](#)
 - [Последний из шерлокхолмсов](#)
 - [Тайна рождается на свет](#)
 - [«Адская машина»](#)
 - [Таинственный дом](#)
 - [В подвале](#)
 - [Ссора](#)
 - [«Последнему из племени шерлокхолмсов»](#)
 - [Ежовые рукавицы](#)
 - [Клад](#)
 - [Борщ](#)
 - [Двое на комбайне](#)
-

Лев Израилевич Квин
Озорники

Л . К В И Н

НОВОСИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1957

Труба центрального отопления

Стенные часы пробили два. Борик подтащил стул к окну, залез на подоконник и прижался к стеклу своей курносой пуговкой. Вовремя! Знакомая фигура старшего брата в расстегнутом пальто и с портфелем на веревочке через плечо промелькнула в палисаднике.

— Мам! Валька идет, — крикнул Борик. — Двойка или тройка, — уверенно добавил он. — Шапка на глаза надвинута.

Но Валька ворвался в квартиру с веселым воплем:

— Мама! Пятерка!

— Молодец, — похвалила мама, помогая Вальке снять пальто. — По какому пятерка-то?

— По пению, — небрежно бросил Валька и сразу же затараторил: — А знаешь, что мы сегодня с Эдиком придумали...

Эдик жил этажом ниже. Он учился уже в четвертом классе, был толстый, важный и славился на всю улицу тем, что умел шевелить ушами. Второкласснику Вальке было очень лестно ходить у него в друзьях. Зато Борик от их дружбы имел одни неприятности. Прежде Валька играл с ним, читал ему книжки, они вместе бегали на лыжах. Эдику это не понравилось: возиться с малышами! И вот теперь Борику от брата доставались одни дразнилки и подзатыльники.

— ...Мы с ним будем через пол разговаривать, по трубе... — бойко сыпал Валька, и в глазах его то и дело вспыхивали карие лучики.

Но маму было не так-то легко провести:

— Постой, постой... А по контрольной ты что получил?

Валька смолк. Лучики погасли.

— Что молчишь?

— По контрольной? Тройку, — вяло произнес он.

Мама всплеснула руками:

— Тройку? Значит, теперь по русскому и в четверти тройка, да?

Валька потоптался на месте, а потом заговорил плаксивым голосом:

— Что я могу сделать, если Евгения Алексеевна ко мне придирается! Почти ни одной ошибки — и тройка. Ну, написал вместо «корова» «карова». Так ведь это я знаю. Просто Маруся Кочетова неправильно подсказала. Еще «камышиши» вместо «камыши»...

Борик, прислушивавшийся к разговору, хихикнул:

— Камышиши!

— Перестань!.. Ну, мама, пусть он перестанет! — закричал Валька. Он терпеть не мог, когда Борик над ним смеялся.

Борик спрятался за маму и высунул язык. И тут же убрал его. Он вспомнил, что после обеда мама уйдет на работу и он останется с Валькой один.

За обедом Валька, покачивая ногами, стал рассказывать о том, что они с Эдиком придумали. Снизу, из котельной, идет труба центрального отопления. Она проходит через все этажи. Если по трубе постучать, всюду слышно.

— Захочет Эдик меня позвать — стукнет три раза. Надо будет мне, чтобы он пришел, — тоже стукну. Здорово? Это мы сами придумали, — хвастался Валька.

— Не болтай! Ешь! — сердито сказала мама.

«Врет! — подумал Борик. — Как это так — постучишь три раза, и Эдик придет?»

Он решил тотчас же проверить. Когда мама встала из-за стола, Борик побежал за ней на кухню, схватил кочергу и как застучит по трубе центрального отопления! Прямо все загудело.

Валька поперхнулся щами.

— Что ты делаешь!

На всякий случай Борик отступил поближе к маме.

Зазвенел звонок в прихожей. Это был Эдик. Борик уставился на него с веселым изумлением. Пришел! Правду говорил Валька!

— Здравствуйте, Мария Андреевна, — совсем взрослому поздоровался Эдик. А потом повернулся к Вальке:

— Можно тебя на минуту?

Они вышли в переднюю. Борик бочком скользнул за ними.

— Ты меня звал? — спросил Эдик.

Валька растерялся.

— Я?.. Нет... да...

— Это я стукнул, — выручая брата, вставил Борик и предусмотрительно отскочил — Эдик был щедр на тычки.

Лучше бы он ничего не говорил!

— Уже раззвонил, да? Болтун! — кинул Эдик расстроенному Вальке. — Если ты Борьке за это дело как следует не надаешь, — ну тогда...

Он не dokonчил, повернулся и вышел.

— погоди, Эдик!

Валька выскочил на лестницу, и оттуда сразу же понеслось торопливое «шу-шу-шу». Валька оправдывался...

Вернувшись в комнату, он бросил на Борика красноречивый взгляд. Тот сразу понял: пощады не будет!

Вскоре мама, наказав Вальке садиться за уроки, а Борику во всем слушаться старшего брата, пошла на работу.

Близилась расплата. Пока Валька закрывал за мамой дверь, Борик занял оборонительную позицию за круглым столом, стоявшим посреди комнаты.

Вначале Валька попытался замаскировать свои агрессивные намерения.

— Иди сюда, Борик, — фальшиво-ласково позвал он. — Я тебе что покажу-у-у-у...

Но Борик уже кое-что пережил на своем веку.

— Не пойду, — сказал он, оставаясь на прежних рубежах. — Покажи, я отсюда посмотрю.

Тут Валька пошел в открытую.

— Все равно я тебе уши надеру! — крикнул он и бросился к Борику. Тот перебежал на другую сторону стола. Валька сделал вид, что хочет бежать вправо. Борик зорко наблюдал за ним, не трогаясь с места. Но стоило Вальке сделать два быстрых шага в его сторону, как он снова стремительно переместился в другое, более безопасное место.

Лобовая атака сорвалась. Шустрый Борик мог так бегать вокруг стола целый час. Валька решил изменить план наступления. Он взялся за кушетку и, покраснев от усилия, придвинул ее к столу. Потом собрал все стулья и загородил проход у другой стены.

Борик с тоской следил за этими приготовлениями. Сейчас Валька перелезет через кушетку и поймает его.

— Валь!.. Я больше не буду, — безнадежно заныл он.

— Не буду! — торжествовал Валька. — Ага! Запел! Сейчас я тебе дам...

Но тут в передней требовательно задребезжал звонок.

Погрозив Борику кулаком, Валька побежал к двери.

Вошла тетя Вера, мамина сестра. А с ней в комнату вкатился большой меховой шар. Это был Шурик, ее трехлетний сынишка, укутанный в доху и пуховый платок.

Тетя Вера с удивлением уставилась на беспорядочно нагроможденную мебель.

— Что это?

— Мы... мы играли в пятнашки, — быстро нашелся Валька.

— Д-да... В пятнашки, — подтвердил Борик.

Какой уважающий себя мальчишка будет вовлекать взрослых в личные счета!

— С ума сошли!.. Мамы дома нет? — машинально спросила тетя Вера, хотя это было ясно и так. — Валя, где у вас запасные фитили для керогаза?

Валька с тетей Верой ушли на кухню. Борик и Шурик остались вдвоем. И тут Борiku пришла в голову блестящая мысль. Пусть этот толстый Эдик поносится взад-вперед. А то совсем от него жизни не стало. Сам проходу не дает, да еще Вальку подучивает.

— Шурик, ты деда-мороза видел? — спросил Борик.

— Не, — ответил меховой шар.

— А хочешь?

— Угу.

— На вот. — Борик нырнул под стол, вытащил оттуда свою железную лопатку и сунул в руку, появившуюся из дохи. — Подойди туда, к трубе, стукни три раза, и выйдет дед-мороз.

Меховой шар покати́лся к трубе центрального отопления. Два гулких удара оповестили деда-мороза о том, что ему надлежит немедленно показаться мальчику Шурику.

— Еще! Еще! — громко шепнул Борик, приседая от нетерпения.

Шурик стукнул еще раз.

Из кухни выскочил разъяренный Валька.

— Опять ты, — набросился он на Борика, но ударить побоялся — увидит тетя Вера и расскажет маме.

— А вот и не я. — Борик обиженно надул губы.

Тут прозвучал еще один удар по трубе. Нетерпеливому Шурику надоело ждать, и он решил ускорить появление деда-мороза. Но так и не дождался. Валька выхватил у него лопатку из рук.

Раздался оглушительный рев. Тетя Вера вбежала в комнату и подхватила Шурика на руки.

— Ты что его трогаешь! — закричала она на Вальку. — Как тебе не стыдно маленьких обижать!

Раскрылась дверь, и вошел Эдик.

— Ну, что тебе? — хмурясь, спросил он.

Валька, виновато моргая, показал лопатой на ревущего Шурика.

У Эдика округлились глаза.

— И ему ты тоже рассказал?..

Когда дверь захлопнулась за Эдиком, Борик не выдержал и прыснул со смеху. Валька глянул на него, на Шурика, потом снова на него — и вдруг догадался.

— Я тебе... — зашипел он и сжал кулаки.

— Тетя Вера! Тетя Вера! — закричал Борик вслед уходившей тете. — Можно, я к вам пойду?

Тетя возвратилась в комнату:

— Одевайся быстрее.

Борик мигом накинул пальтишко, натянул шапку. Задрав нос и нахально улыбаясь, он гордо прошел мимо оторопевшего Вальки.

На улице Борик дошел лишь до ограды.

— Знаете что, тетя Вера, я лучше домой вернусь, — вдруг сказал он. — До свидания...

Через несколько секунд он уже взбегал по лестнице.

* * *

После ухода Борики Валька поставил на место стулья, оттащил кушетку от стола и сел за уроки.

Вдруг он поднял голову. В трубе громко звякнуло. Раз... два, три! Сигнал!.. Эдик его зовет!

Схватив ключ, Валька захлопнул дверь и побежал вниз. На лестничной площадке он столкнулся носом к носу с Эдиком. Тот поднимался вверх.

— Ты меня звал? — обрадованно спросил Валька.

— Я? Очень нужно! Ты стучал или твой Борька... Я тебя, малявка, последний раз предупреждаю...

Он поднял кверху палец.

— Но ведь ты сам стучал, — с обидой выкрикнул Валька. — Борика даже дома нет!

— А я тебе еще раз говорю... — повысил голос Эдик.

— Нет, ты!

— Замолчи, дурак!

— А ты... ты знаешь кто?.. — Валька лихорадочно подыскивал нужное слово. — Ты камышиши, — почему-то пришло ему на ум.

Такого обидного слова Эдик в жизни не слышал. Руки сами рванулись к Вальке.

Тот, конечно, тоже не смолчал. Последовала короткая, но ожесточенная схватка. Эдик первым покинул поле сражения. Он сбежал вниз и, укрывшись в своей квартире, долго кричал из-за двери, что Валька трус, что он, Эдик, может положить его одним пальчиком, если, конечно, захочет...

Когда на лестнице снова водворилась тишина, на площадке третьего этажа скрипнула дверь. Вышел Борик. Вид у него был очень довольный.

— Можно, бабушка, я завтра тоже приду к вам играть? — спросил он у провожавшей его старушки.

— Приходи, соколик, приходи...

«И кто только говорил, что этот Борик озорник? — думала старушка, закрывая дверь. — Ведь как хорошо он с Ваняткой и Леночкой в палочку-выручалочку играл! «Отстукиваться будем по трубе центрального отопления», — вспомнила она его звонкий голосок и усмехнулась. — Выдумщик какой...»

А «выдумщик» в это время стоял внизу у подъезда. Он терпеливо ждал маму. О возвращении домой, пока Валька там один, нечего было и думать.

Последний из шерлокхолмсов

*Правдивый рассказ о любителе
приключений мальчике Геше, его верном
друге Лене, их враге Тишке-Кишке и
таинственном незнакомце «Д. П.»*

Тайна рождается на свет

Геша ходит по комнате, заложив руки в карманы брюк, и рывками выбрасывает вперед длинные ноги в старых, залатанных валенках — дома мама не разрешает носить новые. Он обходит вокруг обеденного стола, затем идет к балконной двери. Постоит здесь несколько секунд, равнодушно посмотрит, как за окном торопливыми хлопьями падает снег, и снова возвращается к столу.

— Садись за уроки, Геша. Хватит тебе вышагивать, — раздается из соседней комнаты мамин голос.

— Сейчас...

Геше не хочется делать уроки. Ему бы сейчас засесть за книжку, которую он вчера вымолил «на часок» у косого Тишки с первого этажа. «Новейшие приключения великого сыщика Шерлока Холмса» — а картинки какие! Тишка нашел ее на чердаке дедушкиного дома, среди старого хлама. Но читать сегодня нельзя — понедельник!

Раньше Геша читал каждый день, и все книги с приключениями. Даже в школе на уроках читал. Но недавно Елена Дмитриевна отобрала у него «Тайну багрового следа» и нажаловалась маме, что он стал хуже учиться.

Теперь Геше разрешено читать только по воскресеньям, да и то лишь те книги, которые мама сама приносила из библиотеки — про разных там хороших мальчиков и девочек и без всяких приключений.

— Если не исправишь свои тройки, вообще запрещаю читать что-либо, кроме учебников, — пригрозила мама.

А попробуй, исправь эти тройки, если их так много накопилось! Даже двойки есть.

Правда, Геша продолжает читать книги с приключениями. Тайком от мамы. Но это очень неудобно. Приходится устраиваться в самых неподходящих местах. Вчера, например, Геша читал Тишкину книгу на чердаке у слухового окна. Там холодно, как на улице, а книжка старая, многие буквы в ней непонятные. Он чуть не обморозил пальцы, пока, наконец, прочитал первый рассказ о том, как великий сыщик Шерлок Холмс разгадал тайну лошадиного черепа. Но стоило!

Геша садится к столу, вытаскивает из портфеля учебник физической географии, находит нужную страницу и нехотя читает вслух:

— Углубление, заполненное водой ручья, называется руслом ручья...

Как ловко Шерлок Холмс распознал этого бандита! Надо же так: не видеть ни разу человека — и сразу его раскусить.

— Углубление, заполненное водой...

Какой там следующий рассказ? Глянуть бы одним глазом. Нет, сейчас нельзя. Мама увидит, отберет книгу. Тогда от Тишки пощады не жди — побьет.

Лучше обождать немного. Мама куда-то собирается. Может быть, она пойдет к папе на работу и оттуда с ним в кино. Вот было бы здорово! Читай себе целых три часа. За это время можно, наверно, всю книжку прочитать. Ведь он не все подряд читает, только интересные места.

Мама выходит из соседней комнаты. На ней шуба и теплый платок.

— Геша, я Ирочку положила спать. Ты за ней присмотри.

— А куда ты, мама?

— Мы с папой идем в кино... Выучи уроки, покушай и ложись спать. Какао в термосе на кухне... Ну, будь умником.

Мама целует Гешу в щеку и уходит.

Он прислушивается. Вот мама затворила дверь. Вот повернула ключ в замке...

Геша идет на кухню и шарит рукой по стене в поисках выключателя. Они въехали в эту квартиру всего неделю назад, и ему здесь еще не все знакомо. Но что маринованные грибы стоят в кухонном столе на нижней полке — это он знает точно.

Геша садится на корточки, достает банку...

— Гешка! Что ты делаешь?

С испугу он чуть не роняет банку. Но это не мама, а Ирочка. Она стоит на пороге босиком, в длинной, до пят, рубахе и водит язычком по губам. Ирочка ужасно любит грибы, еще больше, чем Геша.

— Что смотришь? Как дам сейчас... — ворчит Геша.

Но Ирочка не боится угроз: у Гешки явно растерянный вид. Кроме того, она знает одно испытанное средство.

— А я маме скажу, что ты за грибами лазил... Дай попробовать, тогда не скажу, — предлагает Ирочка и снова облизывается.

Нечего делать, приходится делиться с ней добычей. Грибов уходит в два раза больше. Но мама не сразу заметит следы преступления: банка до краев доливается водой.

Банка снова в шкафу. Довольная Ирочка отправляется в кровать. Геша берется за географию.

— Углубление, заполненное водой...

Зачем, собственно, учить про русло? Напрасная трата времени. Ведь в прошлый раз вызывали. Лучше сделать задачу по арифметике — и за Шерлока Холмса... А впрочем, и арифметика обождет. Завтра он пойдет в школу на полчаса раньше и спишет у ребят.

Руки Геша тянутся под матрац, где запрятана книга. Через минуту он, обхватив голову руками, забывает про все на свете.

Следы под окном... Погоня... Странный металлический звук...

А при чем тут этот звук? Что-то непонятно.

Геша снова пробегает глазами прочитанную страницу. Ничего здесь нет про звук. Но ведь он собственными глазами... Нет, не глазами, а ушами!

Геша отрывается от книги. Звук повторяется снова. На этот раз отчетливо слышно: кто-то вставляет ключ в замочную скважину. Мама? Не может быть! Она ведь только ушла.

Геше становится страшно. А вдруг это тот самый профессор Мориэрти, гений преступного мира, могущественный враг Шерлока Холмса? Но Геша сразу берет себя в руки. Пусть Мориэрти — он победит его и прославится на весь мир.

Схватив подвернувшуюся под руки палку — метлу, кажется, — Геша выходит в коридор, подбирается к двери и прислушивается. Вроде никого нет — тихо!

Только он поворачивается, чтобы уйти, как дверь неожиданно открывается и в темный коридор кто-то входит. Щелкает выключатель, и Геша видит перед собой высокого, румяного с мороза мужчину с чемоданчиком в руке. Он опускает в карман что-то черное, блестящее. «Пистолет», — решает Геша.

С минуту оба смотрят друг на друга: Геша на вошедшего — со страхом, тот на него — с удивлением.

Мужчина спрашивает первый:

— Ты что тут делаешь?

— Жи... живу...

— Живешь?.. А это для чего? — мужчина жестом указывает на палку.

— Это?.. Это пол подметать...

— Пол? В темноте? Граблями?

— Граблями? Какими граблями?

Геша с удивлением смотрит на палку, которую крепко сжимает в руке. Он схватил Иркины грабли!

Через несколько минут недоразумение выясняется. Оказывается, что мужчина — его зовут дядя Петя — тоже живет в этой квартире. Его комната, закрытая на замок, находится рядом с кухней. Дядя Петя въехал сюда на день раньше соседей и сразу же отправился в командировку.

Геша возвращается к себе. Но почитать не удастся. Заходит дядя Петя. В руке у него кусок газеты, свернутый трубочкой.

— Ты меня извини... Как тебя звать? Геша? Это что — Геннадий?.. Так вот, Геша, спички у тебя есть? Что-то я своих нигде не найду.

Спички лежат на кухне. Геша бежит туда и приносит коробок.

— Вот... Что у вас за папироса такая?

Дядя Петя прикуривает, выпускает клубы дыма.

— Это, Геша, не папироса, а козья ножка. Махорку я хорошую достал, ейскую... Хотя ты все равно в этом деле не понимаешь, — спохватывается он и тут же поясняет:

— Ейская махорка для нашего брата вроде как для тебя сливочное мороженое.

— Пломбир лучше, — говорит Геша.

— Ну, как пломбир, — соглашается дядя Петя и, выпустив огромное, вертящееся кольцо дыма, благодарит и уходит к себе.

Геша снова принимается за книгу. Но сегодня все словно сговорились ему мешать. Не успевает он углубиться в чтение, как слышит негромкое постукивание.

— Тук-тук... Тук...

Неужели мыши? Хорошо бы поймать одну и в классе пустить. Вот бы девчонки визг подняли.

Геша внимательно осматривает углы комнаты. Мышей не видно.

— Тук-тук... Тук-тук-ту к...

Как будто даже и не в комнате стучит. Геша тихонько отворяет дверь в коридор.

— Тук-тук...

Нет, это не мыши. Он на цыпочках подходит к комнате дяди Пети. Звук становится слышнее. Посмотреть в замочную скважину? Ничего не видно, ключ торчит.

Геша возвращается к себе. Его гложет любопытство. Где он слышал звук, похожий на этот? Точно такой же прерывистый быстрый стук: тук... тук-тук...

А, вот где — в аэропорту. Месяц назад они всем классом ходили на экскурсию. Летчик завел их в большой самолет и показал все, что там в середине. Он даже поработал немного на радиоключе. Вот ключ-то и стучал, как сейчас.

Радио! Дядя Петя работает на радио. Значит, у него радиопередатчик.

Радиопередатчик? Ой!

Сердце Геши бьется частыми, гулкими ударами. Значит... Конечно, так! И думать долго нечего. Радиопередатчик — раз. Не знает, что Геша это Геннадий — два. Пистолет в кармане носит... Так, ясно! Дядя Петя никакой не дядя Петя, а таинственный человек, может быть, сам профессор Мориэрти. «Как вы раньше не догадались, мой дорогой друг Ватсон», — как говорил Шерлок Холмс.

Что делать? Бежать в милицию!.. А вдруг он никакой не Мориэрти? Тогда над Гешей вся школа смеяться будет... Нет, в милицию идти не надо. Сначала все выяснить, найти... как это?.. такое странное слово... А, улики!.. Найти улики, а потом пойти в милицию и сказать: «Товарищи, я одного таинственного человека

разоблачил. Как обнаружил? У меня метод! Психоарифметический. Здорово действует...»

Весь вечер до прихода мамы и папы Геша раздумывает над тем, как вывести на чистую воду дядю Петю. Наконец, он приходит к выводу, что нужно привлечь к этому делу Леньку Воропаева. Во-первых, у него папа милиционер. Во-вторых, у него есть пугач, совсем как настоящий пистолет. А в-третьих, если Геша будет Шерлоком Холмсом, значит, ему нужен доктор Ватсон. Пусть Ленька и будет доктором Ватсоном. Решено!

«Адская машина»

Геша просыпается от ощущения холода в ногах. Он приоткрывает сначала один глаз, потом другой. Темно. Ничего не видать. И душно, словно в печке. А ноги почему-то зябнут.

Да ведь он лежит, накрывшись с головой! Стянул все одеяло с ног на голову. Вот ему темно и душно.

Геша рывком сбрасывает одеяло. Сразу становится легче дышать.

Через приоткрытую дверь по полу стелется луч электрического света из соседней комнаты. Оттуда доносятся приглушенные голоса и звон посуды. Наверно, папа уже встал и завтракает.

Сколько сейчас времени? Скоро восемь, вероятно. Надо встать, да пораньше в школу — вчера уроки не успел сделать. Но подниматься неохота. Вот бы заболеть сейчас. Красота! Лежи себе целый день в кровати. Никто не поругает, не накричит. Наоборот, все будут ходить да упрашивать: «Скушай пирожное, сыночек...», «Что тебе еще дать, Гешенька...»

Кажется, у него действительно температура. Нет, лоб холодный. Но зато подмышкой, куда термометр кладут, — совсем жарко. Наверно, сорок с половиной градусов.

Геше начинает казаться, что болит горло. И в голове тоже неладное делается. Тяжелая она стала. «Словно налитая свинцом, клонилась голова все ниже и ниже...» Откуда это? Ах да, из вчерашнего великого сыщика Шерлока Холмса...

Шерлок Холмс! Дядя Петя!..

Геша мгновенно вспоминает все...

Он торопливо одевается и спешит в столовую. Нужно кое-что разузнать у папы, пока он не ушел.

Но папа еще только бреется.

— Что так рано поднялся? — удивляется он.

— А сколько сейчас?

— Семь часов... Иди, поспи еще.

— Не хочется...

Геша садится напротив папы и с завистью смотрит, как он водит бритвой по щекам, растягивая их пальцами и строя смешные гримасы. Папа бреется каждое утро. Однажды он проспал и не успел побриться. К вечеру у него выросла борода, цепкая и колючая, как репей.

Папа кончил бриться. Он насухо вытирает свой многочисленный инструмент, складывает в шкатулку и запирает маленьким замочком.

Замочек это появился не случайно. Как-то Геша решил проверить, не пора ли ему начать бриться. Он достал папину шкатулку, намылил лицо и принялся скоблить его бритвой. Геша очень удивился, когда по щеке потекла кровь — ведь никакой боли не было. Заклеил порез бумажкой и положил шкатулку на место. В спешке он забыл помыть бритву и помазок.

Что было назавтра, Геше даже и вспоминать неохота. А потом на шкатулке появился этот замочек...

Геша приступает к делу. Он протяжно зевает и будто невзначай роняет сквозь зевоту:

— А вчера сосед наш приехал...

— Знаю.

Папа садится завтракать. Геша ждет еще немного и затем спрашивает напрямик, без всякой дипломатии:

— Пап, а пап... Где он работает?

— На заводе... Знаешь, он ведь боксом занимается. Чемпион города в каком-то там весе. Попроси, пусть научит тебя драться. А то ведь тебя даже Ирка лупит без сдачи, — смеется папа.

— Учи его, учи, — сердится мама. Она вносит из кухни алюминиевую сковородку, на которой весело

шипит яичница. — И так у мальчишки всё приключения в голове. Совсем учиться перестал... Кстати, скажи, — неожиданно спрашивает она, — почему открыта дверца кухонного столика?

Геша краснеет, но быстро находится:

— Может, Васька?

— Как же! Кот решил полакомиться маринованными грибами... Ладно, умывайся и садись завтракать...

В школу Геша приходит раньше всех. Вскоре в классе появляются и сестры-близнецы Валя и Таня Носовы. Обе беленькие, чистенькие, обе отличницы. Они так похожи друг на друга, что все их путают. А чтобы не ошибиться, зовут ту и другую — «Вата». Это уж наверняка. Хоть Валя, хоть Таня — любая откликнется.

— Ваты, дайте списать арифметику, — просит Геша.

— Нет, не дадим, — отрезает одна Вата. — Списывать — это не по-пионерски.

У другой Ваты сердце помягче.

— Мы тебе лучше объясним, — предлагает она. — Задача легкая-легкая. Ты за пять минут сделаешь.

Очень надо, — презрительно ухмыляется Геша. Еще не доставало, чтобы девчонки ему арифметику объясняли! Знали бы, какую тайну он открыл... Тайна вертится на кончике языка, как раскаленный камешек. Того гляди, выскочит наружу. Скорей бы Ленька приходил. Расскажешь ему — и легче станет. Это Геша уже по опыту знает.

Но Леня как назло опаздывает. Он вбегает в класс уже после звонка и, прерывисто дыша, плюхается на свое место рядом с Гешей.

— Послушай, Леня, я тебе такое скажу, такое...

Дальше Геша не успевает ничего сказать. В класс входит Елена Дмитриевна. А она самая строгая учительница во всей школе. Ее даже семиклассники боятся.

После звонка, едва только учительница уходит, в класс вбегает Петя Сиволап из пятого «Б». В руках у него бумажка.

— Внимание! Пионеры и не пионеры, мальчики и не мальчики! Создается кружок радиолюбителей. Будем сами делать приемники, приборы и всякое такое. Кто хочет, прошу записываться.

Вокруг Пети тотчас образуется бурлящий водоворот.

— Где?

— Когда?

— Что?

— Для чего? — летят вопросы.

Леня Воропаев тоже встает с парты.

— Ты куда? — спрашивает Геша.

— Записаться. Пошли!

— А ну их! Ребяшня! — фыркает Геша. — Пойдем-ка, дело есть.

Он почти силой тащит Леню в укромный уголок под лестницей.

— Только никому! Понял? — говорит Геша драматическим шепотом и оглядывается по сторонам.

Леня смотрит на него с недоверием. Выдумщик этот Геша. Вечно у него какие-то тайны.

— Ты понимаешь, — шепчет Геша в самое ухо Лени. — Я вчера таинственного человека поймал... То есть не поймал, а почти поймал. На радиопередатчике работал... «Тук-тук-тук», — поясняет он.

— Чепуха, — на всякий случай заявляет Леня, но глаза его загораются жадным любопытством.

— Чепуха?! Вот послушай...

Геша, конечно, чуть-чуть привирает. Самую чуточку, только, чтобы побольше Леню заинтересовать. В его изложении вчерашнее приключение выглядит так. Ночью, когда все уже спали, он услышал стук в дверь. Взял на всякий случай грабли и пошел открывать. Врывается дядька с пистолетом. Геша не растерялся.

Как напустится на него: «Кто вы такой? Что вам здесь надо?» Дядька перепугался: «Я... я живу»... Оказалось, в самом деле это сосед. Дядей Петей звать его. Только он не дядя Петя никакой. Геша у него документы посмотрел. Паспорт совсем фальшивый. Потом дядя Петя пошел к себе в комнату — и за радиопередатчик... «Тук-тук-тук...» Всю ночь стучал. Жаль только, у Геши азбуки Морзе под рукой не оказалось.

— А пистолет куда он дел? — в голосе Леньки звучит волнение.

— Пистолет? В карман положил.

— В карман? Эх ты, лопух! Надо было вытащить. Он теперь с ним черт знает что наделает.

— Ничего, я... мы у него пистолет отберем.

Ага! Ленька не возражает против «мы». Значит, теперь можно и дальше говорить.

— Я вот что придумал. Надо нам вдвоем его изловить. Я буду вроде Шерлок Холмс, а ты — доктор Ватсон. Ладно?

Ленька не совсем уверенно кивает головой. Кто такой Шерлок Холмс, он не знает. Ну, а доктор — это звучит неплохо.

— Мы будем следить за дядей Петей... Слушай, Леня...

Геша торопливо излагает свой план. Леня внимательно слушает и с уважением поддакивает. Что ни говори, а Генка — голова!

А не выдумал ли он все? Гешка может! Недавно он пришел в школу и заявил, что знает новый прием борьбы. Сверххогсшибательный... Раз-два — и любой летит на землю. А потом, когда Ленька стал с ним бороться и свалил с ног, он надулся и сказал, что так не по правилам. Сначала надо левой рукой за правую взяться, а потом уже правой захватывать... Долго объяснял, но все ребята поняли, что про свой новый

прием он все выдумал... Может, и дяди Пети никакого нет?

Леня не любит неясностей. Со всей свойственной ему прямоотой он заявляет:

— Брешешь ты...

— Ах, брешу! — петушится Геша. — А если я тебе поклянусь... Хочешь — «Акулой»?

Он торжественно произносит:

— Акуле в зубы,
Киту в пасть,
Если вру —
Мне пропасть!

Геша сам выдумал эту клятву и гордится ею. Очень похоже на страшные клятвы морских пиратов.

Теперь не поверить нельзя. Леня знает, что «Акулу» Геша пускает в ход лишь в самом крайнем случае. Значит, он не врет. А если и приврал малость — все равно, интересно.

Что так тихо стало? Леня выглядывает из-под лестницы. Никого нет. Наверно, уже звонок был.

— Айда в класс... На урок опаздываем.

Друзья бегут по затихшему коридору. Хорошо еще, что сейчас география, Матвей Сидорович ругать не станет.

...Вечером мама надивиться не может на Гешу. Вот уже битых три часа он сидит за уроками. Да еще не один — своего друга Леньку притащил. Ох, этот Ленька! Мама никак не может простить ему разбитую фарфоровую вазу. Теперь он у нее на постоянном подозрении. Вот и сейчас она нет-нет, да заглянет из кухни в комнату — не шалят ли ребята? Представьте себе — нет! Сидят за столом. Книжки, тетради

разложены. Пишут что-то. Вон Ленька даже язык вывалил от усердия. Ну, пусть пишут.

Мама тихонько прикрывает дверь.

Ребята тотчас же перестают писать.

— Слышишь, Лень?

— Не...

Но вот в коридоре раздаются шаги. «Здравствуйте», — поизносит веселый голос.

— Пришел, — шепчет Геша. — С мамой здороваешься. Сейчас, наверно, начнет.

Он склоняется над раскрытой тетрадью. Здесь записано столбиком:

«2600. Д. П. Н. Е.

2630. Д. П. Н. Е.

2700. Д. П. Н. Е.

2730. Д. П. Н. Е.»

Это шифрованные записи. Цифры означают время. Отбросить первую двойку — и получаются часы: 6.00, 6.30, 7.00... Д. П. Н. Е. — тоже шифр. Он читается так: дяди Пети нет еще.

Геша вносит в тетрадь новую запись: 2800. Д. П. У. П. — дядя Петя уже пришел.

Ребята прислушиваются. Ничего не слышно. Леня смотрит на Гешу. Круглые настороженные глаза, полуоткрытый рот. Сгорбился в три погибели. Весь ушел в уши. Они у него большие и красные...

Леня вдруг начинает тихонько смеяться. Уж очень Гешка сейчас забавный. Глазами как вертит — будто нарочно, для смеха.

— Ш-ш, — машет на него руками Геша. — Уже работает.

В самом деле, в тишине слышится постукивание. Передатчик! Гешка не соврал!

— Скорей!

Ребята начинают водить карандашами по заранее припасенной бумаге. Точка. Точка, тире, тире, тире. Точка, точка, точка...

Передачик стучит все быстрее и быстрее. Просто невозможно угнаться...

Геша первый бросает карандаш:

— Все! Больше не могу! Хватит... Давай, теперь прочитаем.

Он кладет на стол листок бумаги, на который выписана азбука Морзе... Ну, точка — это, конечно, «А» — и смотреть нечего! Точка-тире-тире-тире — «И». Точка-точка-точка — «С»...

— «АИС» — ничего не понятно, — волнуется Ленка. Он даже покусывает ногти от нетерпения и помогает Геше расшифровывать дальше. Тире-точка-тире — «К», точка-тире — «А». Точка-тире-точка-тире — «Я»... Айская...

— Айская... А дальше что?

Дальше получается «ма...» и все. Фраза после расшифровки приобретает такой вид: «...АЙСКАЯ МА...»

— Айская ма... — Геша хмурит брови. — Что это за «айская ма»?

И вдруг он догадывается:

— Адская машина! Бомба с часовым механизмом! Мы просто спутали «й» и «д».

Адская машина. Геша строго поглядывает на Леню — ты, мол, не верил, а дело, видишь, какое серьезное!

Ленка зябко передергивает плечами. Ему становится немного боязно.

Таинственный дом

Ночью Геша спит беспокойно. Он то и дело ворочается с боку на бок, всхлипывает во сне, что-то бормочет. Но утром он снова бодр и деятелен. Сегодня предстоят большие дела.

Наскоро проглотив обязательную яичницу и опорожнив залпом кружку чая, Геша выходит в коридор к своим лыжам.

— Надо поправить крепления, — говорит он маме, — а то ремни соскакивают.

По правде говоря, крепления Гешу интересуют меньше всего. Но ему необходимо побыть в коридоре — а какой можно найти еще лучший предлог для этого! И вот он, сидя на корточках, возится с лыжами. Что-то завязывает, развязывает, кряхтит, пыхтит... А одним глазом зорко следит за дверью комнаты дяди Пети. Ну что он тянет! Шел бы побыстрее. Уже четверть девятого. Скоро мама погонит в школу.

Дядя Петя выходит из комнаты ровно в половине девятого.

— Здравствуй, — говорит он. — Чем занялся?

— Да вот, лыжи... — смешавшись, отвечает Геша и дергает с силой за конец ремня. Ремень вырывается из рук и Геша, потеряв равновесие, летит вверх тормашками.

— Ой!

Он вскакивает на ноги и быстро-быстро трет рукой ушибленный затылок.

— Ударился, да? — участливо спрашивает дядя Петя. — Отожми ушиб ножом, — советует он, — а то шишка будет.

Дядя Петя берет в руки лыжу и, покачивая головой, осматривает крепление.

— Эх ты, скобы погнул... Знаешь что, поставь лыжи на место и не трогай больше. Вечером я все тебе сделаю.

Застегивая на ходу пальто, дядя Петя выходит на лестницу. Геша, все еще держась рукой за голову, смотрит ему вслед. Ишь какой! Задобрить пытается... «Вечером все тебе сделаю». Нет, Геша неподкупен. Операция по разоблачению дяди Пети продолжается.

Он влетает в комнату и смотрит через балконную дверь на противоположный тротуар. Есть! Ленька пришел и, как было условлено, стоит у гастрономического магазина. Геша трижды машет ему рукой. Это сигнал Ленька кивает — понятно, мол, — и перебегает через улицу. Теперь его уже не видно. Но Геша знает: Ленька стоит у подъезда и ждет, когда оттуда покажется дядя Петя.

— Я пошел, — говорит Геша маме и, подхватив портфель с книгами, натягивает на ходу шапку и пальто.

По лестнице он сбегает, перепрыгивая через две ступеньки. Так быстрее и интереснее. Правда, дворник ругается, говорит, что от такого слоновьего топота лестница может рухнуть. Но это он, конечно, выдумывает. Еще ни в одном доме такого случая не было, чтобы ребята лестницу свалили. А насчет слонов — это вообще враки. Слоны топают куда сильнее.

Потом, дворника все равно нет — по утрам он отводит в детский сад своего внука. Бегай по лестнице, сколько хочешь! Вот после школы — другое дело. Тут надо поосторожнее.

Но оказывается, осторожность нужна не только после школы. Сбежав на первый этаж, Геша сталкивается лицом к лицу — не с дворником, нет! — с косоглазым Тишкой. Тот стоит насупившись. Поза угрожающая: руки в карманах, одно плечо вперед.

У Геши падает сердце. Тишка сильный и отчаянный. Он даже дворника не очень боится. И курит потихоньку в подвале.

— Пусти, Тиша, — робко говорит Геша. — Я в школу опаздываю.

— Книгу шичаш давай!

Тишка плохо выговаривает звук «с», и у него поручается вместо «сейчас» — «шичаш».

— Какую книгу?.. Ой! — Геша прикрывает рукой рот. — Вот приду из школы, отдам... Честное пионерское!

— Книгу давай!

Тишкины руки медленно вылезают из карманов и тянутся к ушам Геши. Тот отскакивает в угол и сыплет оттуда жалобной скороговоркой:

— Ты меня за уши не трогай... У меня недавно воспаление средних ушей было, и я могу оглохнуть. Тогда тебе знаешь, как достанется... А ты за что сердишься? За книжку? Так бы и сказал. Я тебе сейчас ее принесу. — Он делает два шага по направлению к лестнице, но сразу оборачивается: — Или, может, лучше после школы? Друг тут меня ждет... Тиша, миленький, а?

— Книгу давай!

Геша стремглав несется вверх по лестнице. Он чуть не плачет. Проклятый Тишка-Кишка! Ленька уйдет за дядей Петей, а потом бегай по всему городу, ищи их.

Дверь ему открывает Ирочка. Она кладет палец в рог и хихикает. Что-то она знает. Надо бы расспросить, да нет времени.

Слава богу, мама на кухне. Геша бросается в спальню и просовывает руку под матрац. Пусто! Он приподнимает матрац — и не верит своим глазам. Где же Шерлок Холмс?

Ирочка стоит рядом и все еще хихикает. Конечно, это ее работа. Геша со сжатыми кулаками подступает к

сестренке.

— Ирка! Сейчас же отдай!

Ирочка вытаскивает палец изо рта и как завизжит! Тотчас же в дверях появляется мама:

— Ты что от нее хочешь? Почему вернулся?

— Книжку одну забыл. Учительнице надо отдать. А Ирка вытащила книжку и куда-то дела.

— Вот эта книга, да?

В руках у мамы появляется яркая обложка «Великого сыщика».

— Д-да.

— Значит, учительница тебе ее дала?.. Что молчишь? — Мама круто поворачивается и идет к шкафу. Геша плетется за ней, волоча портфель по полу.

— Мама... Мамочка, — нудно тянет он. — Отдай книжку. Ну, пожалуйста... Ну, что тебе, жалко? Я больше не бу-у-у-уду.

Ничего не помогает. Мама отпирает нижний ящик, бросает туда книжку и снова закрывает.

Геша решается на большую игру:

— Если бы ты знала, что я знаю... Скоро я одну тайну раскрою...

Мама всплескивает руками:

— Окончательно рехнулся!.. Ну, так и знай, книжку раньше лета не получишь... Марш в школу! — приказывает она.

...Геша стоит на лестничной площадке. Нет, он не плачет. Ну там одна-две слезинки. Это не считается. Сейчас ему не до слез. Черт с ней, с книжкой. Есть дело поважнее. Но как пройти мимо Тишки? Ведь он ни за что не пропустит.

Нет положения, из которого бы не было выхода. Находит выход и Геша. Когда он опускается к Тишке, в руках у него книга, завернутая в газетную бумагу.

— Ну, держи... Мама как увидела: покажи, да покажи... Хорошо, что в газету завернул...

Какие интересные глаза у Тишки: один смотрит в одну сторону, другой — в другую. Мальчишки во дворе говорят, что Тишка все насквозь видит. Неужели разглядит через бумагу? Тогда пропал!

Но Тишка берет книгу, молча пропускает Гешу мимо себя, и легонько пинает его коленкой на прощанье.

Во дворе Геша припускает со всех ног, словно за ним гонятся черти. И правильно делает. Ровно через полминуты из подъезда выскакивает разъяренный Тишка. Обвел его пацан вокруг пальца. Вместо «Новейших приключений великого сыщика Шерлока Холмса» всучил учебник географии...

Забежав за угол, Геша переходит на шаг. На улица Тишка не посмеет его тронуть.

Где теперь искать Леньку? В какую сторону направился дядя Петя? Если на завод, то прямо... А вдруг он пошел вовсе не на завод?

Бродить бы Геше целый день по улицам в поисках Леньки: город ведь большущий. Но ему повезло. Не успел пройти и двух кварталов — смотрит, несется по улице вприпрыжку румяный толстячок с носом картошкой и улыбается.

— Ленька!

— Гешка! Где ты пропадал? Я тебя ждал-ждал; а потом сам за ним побежал.

Оказывается, дядя Петя на завод не пошел. Он зашел в дом неподалеку и там остался.

— Ясно! Там живут его сообщники. — Гешка достает из портфеля тетрадь. — Улица и номер дома? — лаконично спрашивает он.

Леня досадливо морщит нос:

— Эх... Я и не посмотрел.

— Растяпа! А еще доктор Ватсон... По крайней мере, найти-то сможешь?

— Конечно, смогу. Идти по этой улице до булочной, потом свернуть направо и на следующем углу.

Деревянный дом.

— А еще?

— Что еще?

— Еще какие приметы?

— Вроде, больше нет...

Что значит неопытный человек! Леня заметил только, что дом деревянный. А вот Геша, когда они подходят поближе, находит много важных качеств, отличающих этот дом от других.

— Пиши! — говорит он Лене. Тот раскрывает тетрадь и пристраивается под воротами. — Улица Партизанская, дом 77... Окрашен в темнозеленый цвет. Четыре окна выходят на улицу. Ставни на трех окнах открыты, на одном закрыты... Крыша черепичная. Две трубы...

— А труб сколько, зачем писать?

— Не знаешь? — Геша покачивает головой, словно удивляется невежеству Ленки в этих делах. — А если преступники вздумают бежать через трубу?.. Две трубы. Записал?.. Высокий забор, тоже зеленый... Знаешь что, — вдруг приходит ему в голову важная мысль, — надо посмотреть через окно, что делается в доме. Так и быть, посмотреть будешь ты, — заявляет он, хотя Леня вовсе не просит об этом. — Если меня дядя Петя увидит, он сразу поймет, что мы напали на его след. А тебя он не знает.

Что поделаешь! Леня нехотя взбирается на кирпичную завалинку, становится на цыпочки и упирается лбом в стекло. Геша держит его сзади.

— Что ты видишь? — нетерпеливо спрашивает он.

— Ничего, — отвечает Ленка. — Кот на окне сидит, все загородил... Псих! — Он машет рукой, пытаясь напугать кота. Но тот лишь презрительно щурит оранжевый глаз и медленно отводит голову.

Леня перебирается к другому окну.

— Здесь! — восклицает он. — Дядя Петя здесь. И еще один какой-то, с обвязанным горлом. Ходит по комнате и что-то говорит... А на столе машина...

— Наверно, адская, — догадывается Геша.

— Дядя Петя встал. Вот подошел к машине...

Тут Леня неожиданно соскакивает с завалинки.

— Посмотрел на окно... Больше не полезу.

Но Геша и так уже сделал все необходимые выводы. Этот дом не простой, а таинственный. Здесь хранится адская машина.

Он подходит к воротам и нажимает ручку калитки. Нет, не открывается, конечно. Чтобы пройти сюда, нужно, вероятно, сказать тайные слова, вроде «Сезам, откройся!».

Но калитка отворяется и без тайных слов. Перед растерявшимися от неожиданности ребятами предстает высокий, худой дядя с метлой в руке.

— Чего вам? Баловаться? Вот я вас сейчас... — Он делает грозное лицо и топает сапожищами. Геша не выдерживает. Он пускается в бегство. За ним Леня.

Геша останавливается только на перекрестке. Ему немного неудобно перед Леной. Скажет: струсил!

— Думаешь, я испугался?.. Ни чуточки... Я только хотел проверить, как быстро он бежит.

Но Леня лишь недоверчиво хмыкает. Шерлок Холмс и прочее — тут, спору нет, Геша, конечно, мастак. А что сдрейфил, то сдрейфил. Чего тут оправдываться!

Что теперь делать? В школу идти поздно, домой — рано. Ребята бродят два часа по улицам. Разглядывают витрины магазинов, толкутся по рынку, греются на Центральном почтамте. Им скучно. Скорее бы уже час. В час кончаются уроки и можно идти домой.

У Геси и Лени беспокойно на душе. Они никогда еще не убегали с уроков. И хотя дел очень-очень много, все же решают узнать, что задано на завтра.

Ребята идут к Васе Воробьеву, по прозвищу Воробей. Он самый маленький и самый задиристый и классе.

Вася уже дома.

— Почему не были в школе? — строго спрашивает он друзей.

Геша и Леня переглядываются.

— Дело одно тут, — неопределенно говорит Геша и многозначительно намекает: — Потом узнаешь!

Но Васю это нисколько не интересует.

— А вчера почему на радиокружок не пришли? Вот здорово было!

— Подумаешь! — Геша фыркает. — Наверно, опять пионервожатый пять страниц из учебника физики для седьмого класса читал.

— А вот и нет! У нас руководитель кружка совсем другой. Ох, рассказывает! — Вася прищелкивает языком. Это означает у него высшую степень восхищения. — Знаете, что такое радиолокация?.. Не знаете! А радио-те-ле-ме-ха-ни-ка? — выговаривает он по слогам трудное слово. — Эх, вы!.. А мы будем и фотоэлемент строить, и радиолокатор, и кораблем управлять по радио...

У Геши на мгновение дух захватывает от зависти. Но только на мгновение. Он сразу берет себя в руки.

— Врешь ты все это, Воробей... Пошли, Леня!

На улице Леня нерешительно произносит:

— Может, и нам в кружок записаться, а, Геш? Интересно!

— Ну и иди! — сердится. Геша. — Без тебя управлюсь. Все равно из тебя никакой доктор Ватсон не получится.

Но Леня не хочет ссориться.

— Я ведь просто так, — миролюбиво говорит он. — Нет, так нет...

Дома Гешу ожидает новость.

— Что я знаю! Что и знаю! — прыгает на одной ножке Ирочка.

— Ну что, говори!

— Не скажу! Не скажу!..

Есть несколько способов, чтобы заставить ее сказать. Во-первых, пригрозить. Но это ненадежный путь. Ирка сейчас же закричит, прибежит мама... Второй способ — подкуп. Дать ей конфету — и дело с концом. Но в данный момент Геша конфетой не располагает. Обещаниям же Ирка не верит — она уже научена горьким опытом.

Остается последний способ — самый простой и верный.

— Ничего ты не знаешь! — говорит Геша. — Только хвастаешься.

— А вот и знаю, а вот и знаю!

— Не знаешь!

— Знаю!.. Дядя Петя взял у мамы ключ от нашего сарайчика в подвале и поставил туда свой сундучок... Ага! Знаю?

Новость важная! Дядя Петя, вероятно, спрятал в сарайчике адскую машину.

Немедленно за Ленькой — и в подвал!

В подвале

На кухне возле окна торчит маленький гвоздик. Когда въезжали на квартиру, Геша сам забивал его Иркиным деревянным молоточком. Раз по шляпке, раз по пальцу. Все пальцы поотбивал.

На гвоздике висит новенький никелированный ключ с красной ленточкой. Это ключ от сарайчика.

Геша стоит у окна и с вожделением поглядывает на ключ. Теперь только за ним и остановка. Дверь подвала открыта — это уже разведано. У входа в подвал ждет Ленька. У него в кармане электрический фонарик и пугач, похожий на всамделишный пистолет.

Остановка только за ключом. Но как его взять, если мама то и дело заходит на кухню. Да и Ирочка крутится тут, с любопытством поглядывая на Гешу. Она явно что-то подозревает. Хитрющая!

Но наконец, выдается подходящий момент. Все вышли из кухни. Геша молниеносно выбрасывает вперед руку — и вот он уже опускает ключ в карман.

Теперь можно отправляться вниз. Стоп! А нитки? Без них никак. Все исследователи пещер берут с собой клубок ниток. Их прикрепляют у входа и тянут за собой. Если заблудятся в пещере, то с помощью ниток можно найти обратный путь. А подвал — та же пещера, только чуточку поменьше.

За нитками нужно идти обратно в комнату. А там мама снова что-нибудь придумает — засадит за уроки или еще что.

Геше на глаза попадает свернутая веревка, на которой развешивают белье. Взять разве ее вместо ниток? Геша воровато оглядывается...

Леня стоит у входа в подвал, пританцовывая то на одной ноге, то на другой.

— Ты чего расплясался? — удивляется Геша.

— Чего, чего! — передразнивает его Леня. — Постоял бы ты целый час на морозе, не так, наверно, запрыгал бы... Ты что — уснул там?

Геша молчит. Он тревожно смотрит куда-то через Ленино плечо. Леня тоже оглядывается и видит: неподалеку стоит высокий косоглазый мальчишка и зло кривит рот.

Это Тишка. Над Гешей нависла серьезная опасность. Он съежился и побледнел. Тишка сейчас обязательно отлупит его.

А если откупиться от него старой медной монетой, которую он получил недавно от папы? На ней изображены скачущая лошадь и корона. Тишка уже не раз пытался выманить монету у Геши, предлагая взамен кусок пожелтевшей кости. «Зуб мамонта», — утверждал он.

Но Тишка, постояв немного, исчезает. Видимо, он решил, что на двух нападать небезопасно. Зачем рисковать, когда можно отлупить Гешку наверняка: завтра, послезавтра, в любой день.

— Что это за Квакин? — спрашивает Леня.

— А, есть тут один воображала, — пренебрежительно махнув рукой, отвечает Геша. — Дал я ему однажды перцу, так теперь он меня, как огня боится. Увидит — и сразу тикать... Пошли скорей, — торопит он, с опаской оглядываясь. Кто его знает, этого Тишку. Еще может вернуться.

Они спускаются по ступенькам вниз. Вот и дверь. Она открывается с неприятным скрипом.

В подвале темно и сыро. Пахнет сосной, кислой капустой и плесенью.

Леня распахивает дверь подвала настежь. Геша закладывает под дверь конец веревки и прижимает его, кирпичом.

Ребята медленно, затаив дыхание, идут по узкому длинному проходу. По обеим сторонам сарайчики жильцов. Луч карманного фонарика прыгает с одного сарайчика на другой, выхватывая из темноты надписи, сделанные мелом: «Кв. 3», «Кв. 5», «Кв. 7».

Ребятам нужен сарайчик с надписью «Кв. 11». Они находят его в боковом проходе. Леня на секунду выключает фонарик и все тонет в полной тьме. Отсюда не видно даже открытой двери подвала.

Повозившись с ключом, Геша снимает замок. Они заходят в сарайчик.

Аккуратно сложенная поленница дров... Кадка с капустой... Сломанный пылесос, при виде которого Геша испытывает некоторую неловкость: здесь не обошлось без него.

Где же сундучок дяди Пети?

— Вот он, — шепчет Геша и показывает за поленницу.

Леня подходит поближе. Действительно, сундучок. И — какое счастье! — он не заперт. Леня берется за верхнюю крышку.

— Осторожно, — шипит Геша. — Адская машина!

Но поздно. Леня уже откинул крышку.

— Никакой тут машины нет, — разочарованно произносит он. — Одни тетради...

Гешу не так легко провести. Он склоняется над сундуком:

— Знаем мы! «Тетради!..» А под тетрадями что? Об этом ты подумал? Свети сюда.

Он начинает выкладывать тетради из сундучка. Уже целая кipa выложена, а машины все нет.

И вот последняя тетрадка ложится на землю. Сундучок пуст!

— Ну что? — спрашивает Леня. — Где твоя машина?

Геша не отвечает. Он шарит по днищу сундучка, стучит зачем-то по нему пальцами, даже обнюхивает.

— Все ясно, — наконец, говорит он. — Двойное дно. Эх, жаль, нет у меня с собой подходящего инструмента.

Тут Леня выходит из себя:

— Какое двойное дно? Что ты треплешься?

Он опрокидывает пустой сундучок и просовывает в него фонарик. Сквозь щели в дне сундучка на потолок ложатся полосы света.

— Значит, я ошибся, — самокритично признается Геша. — Адскую машину дядя Петя в другом месте спрятал... Что ж, и бумажки пригодятся. — Он вырывает лист у тетради и засовывает в карман.

— А бумага зачем? — удивляется Леня.

Геша внутренне торжествует. Ага! Совсем как доктор Ватсон. Тот тоже всему удивлялся, обо всем расспрашивал.

— По почерку я определяю характер. Понимаешь? Веселый человек или скучный, ну и разное другое. Это я по буквам узнаю, как они написаны: криво или прямо, жирно или чуть нацарапаны. Каждая буква что-нибудь говорит.

— Каждая буква? А если у «и» палки в разные стороны, это что значит?

Великий сыщик Шерлок Холмс по почерку мгновенно определял характер. А как это делать, в книжке почему-то не говорилось. Но если сейчас промолчать, то Леняка подумает, что он соврал.

И Геша произносит поучающим тоном:

— Не знаешь? Если у «и» палки в разные стороны торчат — значит, кто писал, тот хвастун. Понятно?

Тут Леняка неожиданно начинает смеяться. Сначала тихонько, потом все громче и громче:

— Ха-ха-ха! Ох, не могу! А ты забыл, что Елена Дмитриевна тебе сказала? Что у твоих «и» палки в разные стороны, как у плохого лыжника? Значит, ты хвастун! Сам сказал. Ха-ха-ха!

Леня плюхается на сундучок и смеется, взмахивая руками. Электрический луч, как солнечный зайчик, прыгает по стенам.

И вдруг сразу становится темно. Леня перестает смеяться.

— Геш, а Геш! — виновато произносит он. — Я... я ударил рукой по полену и выронил фонарик...

Они долго шарят в темноте по полу, но ничего не находят, кроме щепок и камешков.

— Есть! — говорит Леня. — Нет, не фонарик... Что-то другое. Маленькое, вроде цилиндрика...

— Клади в карман, — советует Геша. — Как выйдем, рассмотрим. Наверно, что-нибудь важное.

Но вот Геша нащупал фонарик. Он не зажигается.

— Что теперь делать? — спрашивает Леня упавшим голосом.

— Вот, заныл уже...

По совести говоря, Геше самому тоже невесело. Страшно здесь в темноте. Хорошо, что он догадался взять с собой веревку. Теперь на нее вся надежда.

— Держись за меня, — говорит он Лене.

Ребята выходят из сарайчика. Геша ощупью запирает замок и движется к выходу, перебирая рукой веревку. Вот поворот. Впереди мелькает светлый четырехугольник. Выход из подвала!

И вдруг четырехугольник исчезает. Кто-то захлопнул дверь.

— Откройте, откройте! — кричит Геша. Он бросается вперед и толкает дверь обеими руками. Но она не открывается.

...Геша и Леня сидят рядышком на ступеньках у закрытого выхода из подвала. Им очень холодно и очень страшно. Кто закрыл дверь? Наверное, дядя Петя. Он поймал их в ловушку.

И тут из глубины погреба доносится тихий свист. У ребят кровь стынет в жилах от страха. Они еще теснее

прижимаются друг к другу.

— Г... где... т... твой... пи... пистолет? — с трудом выговаривает Геша. У него начинают щелкать зубы.

Леня не успевает ответить. Свист становится громче. И вдруг раздается глухой голос:

— Крышка вам будет шичаш...

Геша вскакивает на ноги:

— Тишка!

Теперь все ясно. Тишка видел, как они спускались в подвал. Подкрался, закрыл дверь подвала, подпер ее палкой. Затем обошел вокруг дома и стал свистеть у заложённого кирпичами подвального оконца.

Геша начинает колотить ногами в дверь. К нему присоединяется и Леня.

— Бум! Бум! — это Гешины валенки.

— Бац! Бац! Бац! — это Ленины ботинки.

Долго стучать не приходится.

— Тихо! — слышится за дверью надтреснутый старческий голос. — Кто там разбушевался?

Это дворник — дедушка Егор. Геша его побаивается и недолюбливает, — почему он все время ворчит? Но теперь Геша готов броситься ему на шею.

Однако дедушка Егор вовсе не склонен разделять Гешин восторг.

— Что за новости? — грозно спрашивает он, и его длинные седые усы сердито топорщатся. — Что за порядок такой по подвалу лазить?.. Курили тут, небось. Дом подпалить хотите?

Он шумно тянет носом. Но запаха табака не слышно.

— А ну, дыхни! — требует он у Геши, который стоит поближе.

Геша с готовностью, выполняет приказ. Он некурящий. Однажды, правда, курил — когда мама с папой ушли в кино и его с собой не взяли. Он, злился, а потом решил отомстить. Нашел окурочок, долго разжигал его. Поперхнулся дымом, закашлялся, но героически

продолжал тянуть... Когда мама с папой вернулись, они нашли Гешу одетым на кровати. Он лежал испуганный, зеленый и жалобно стонал... С той поры он бросил курить.

Не обнаружив следов преступления, дедушка Егор смягчается.

— Выходите, шпингалеты... Стало быть, вас тот шепелявый балбес запер. Вертелся тут все время... Я тебе дам! — Дедушка Егор грозит кулаком Тишке, высунувшемуся на секунду из подъезда. Тишка моментально исчезает. — Пойду к ихнему папаше, пожалуюсь, — решает он. — Проходу не стало от озорника.

Дворник, прихрамывая, решительно направляется к подъезду. Будет сегодня Тишке баня. У него папа строгий-престрогий.

— Ну-ка покажи, что ты там нашел, — предлагает Геша. — Скорее, скорее, — торопит он.

Леня вытаскивает из кармана небольшую коричневую целлулоидную коробочку.

— Фото пленка! — восклицает Геша. — Дяди Пети фото пленка. Вот, оказывается, что он в подвале прятал... Что ты делаешь? Не открывай! Пленку засветишь! — Он вырывает коробочку из Лениных рук. Ее надо проявить.

— А ты умеешь?

— Нет... Папа умеет, а я еще нет... Знаешь что, — приходит Геше в голову. — Иди сейчас к Максимке Кочетову. Он фотографией занимается. Староста фотокружка. Попроси, пусть проявит. А завтра в школе мне отдашь...

— А ты чего к Максимке не пойдешь?

— Нельзя. Мама и так сердится, что уроки не делаю... Но смотри, Леня, если ты Максимке хоть одним словом проболтаешься...

— Что я, маленький!.. Не веришь? Хочешь, поклянусь?..

Зайдя в подъезд, Геша слышит истошные вопли. Они становятся еще громче, когда он проходит мимо двери Тишкиной квартиры. Кто-то орет благим матом, а сердитый мужской голос спрашивает:

— Будешь?.. Будешь?.. Будешь?..

И в промежутках раздаются звуки, похожие на аплодисменты.

Геша взбегает вверх. На лице у него довольная улыбка, хотя в принципе он ярый противник телесных наказаний.

И все-таки Тишку немножечко жаль — ведь его книгу мама спрятала. И Геша решает: надо отдать ему монету с лошадью и короной. Это будет по-справедливости.

Ссора

Геша несется по улице, яростно размахивая портфелем. Собственно, спешить незачем. Еще только восемь утра. Но Геша изнемогает от любопытству что заснято на пленке? Надо было вчера самому пойти к Максимке Кочетову. Разве можно доверять Ленке такое важное дело? Ленка известный разиня. Еще и пленку потеряет.

Геша бежит, обгоняя прохожих. Скорей, скорей!

Впереди идет низенький, сгорбленный старичок с палкой в руке. Геша пытается обойти его, но неожиданно оступается и, потеряв равновесие, толкает старичка плечом.

— Извините, — бросает он на ходу, и тут же замечает, что у старичка черные очки. Слепой. Как же он улицу перейдет?

— Можно, я вас проведу через дорогу? — предлагает он.

Старичок энергично мотает головой:

— Не надо, внучек. Я сам пройду.

Как же так? На перекрестке то и дело снуют «Победы», «Москвичи», автобусы. Ведь могут переехать.

Светофор показывает зеленый цвет. Геша сходит с тротуара сразу же вслед за старичком. Не пустит он его одного. Все равно пойдет за ним. Но старичок идет себе потихоньку, постукивая палочкой по мостовой. Геша следует сзади и с тревогой смотрит по сторонам. Нет, ничего! Вот уже тротуар...

Геша с облегчением вздыхает. Как же все-таки слепые так здорово умеют ходить? Он однажды на спор попробовал идти, зажав глаза. Это было в школе, на большой перемене. Сделал несколько шагов,

споткнулся и ударился головой о стенку. Ребята смеялись, а ему было так больно, что хотелось плакать. И заплакал бы, если бы не подошли девчонки. Ну, а при них плакать никак нельзя...

Придя в пустую, тихую школу, Геша начинает жалеть, что так рано встал. Все равно Леньки нет. Он придет на урок как всегда — тютелька в тютельку. «На полшага раньше учителя», — шутят ребята. Однажды, правда, был случай, когда Леня прибежал в школу за час до начала уроков. Когда об этом узнала Елена Дмитриевна, она сказала, что, должно быть, случилось чудо. Но потом выяснилось, что никакого чуда не было. Просто у Лени дома испортились часы, он думал, что скоро девять.

Но сейчас, наверно, чудо все-таки произошло. Когда Геша заходит в класс, то видит там Леню. Тот стоит у доски и что-то чертит мелом. Даже не поздоровавшись, Геша бросается к нему:

— Проявил пленку?

— Геша, ты вправду не знаешь, что на ней?

— Вот чудак! Откуда мне знать? — удивляется Леня. — Ведь я пленку тебе отдал.

Леня улыбается во весь рот:

— Тогда я тебя обрадую, товарищ Шерлок Холмс. — Порывшись в портфеле, он достает катушку.

— Вот, смотри. Тут все сообщники дяди Пети... Ну и рожи! В особенности у одного...

Леня разворачивает пленку и показывает Геше кадр. Действительно, тип! Черный-пречерный, словно трубочист.

— Да это же негатив, — догадывается Геша.

— А вот и карточка, — Леня подсовывает ему кусок плотной бумаги. — На, смотри.

Взъерошенные волосы. Уши, как крылья, разлетелись в разные стороны. На носу разбрызганы

веснушки... Что это? Геша видит на фотокарточке... самого себя.

— Хорош сообщник у дяди Пети? — хохочет Леня, подпрыгивая от смеха и похлопывая себя по коленкам. — А вот тебе и другие карточки.

Он выкладывает целый ворох фотографий. Геша, Ирочка. Геша вместе с Ирочкой. Мама с Ирочкой и Гешей. Снова Геша...

Что случилось? Геша ничего не поймет. Как они все оказались на пленке дяди Пети? И Ирочка, и мама, и он...

Так вот что! Это ведь пропавшая фотопленка, которую папа заснял еще до переезда на новую квартиру и потом никак не мог найти. А она, оказывается, попала в подвал.

И чего Леня так развеселился? Что здесь смешного? Наоборот, ничего смешного нет. Он думал, что дядя Петя уже разоблачен, а оказывается — нет, не разоблачен. Все надо начинать сначала. Разве это смешно? Пустосмешка Леня, а не доктор Ватсон.

— Брось смеяться! — сердится Геша. — Давай лучше думать, как дальше быть.

— А я дальше не хочу. Опять в подвале адскую машину искать?.. Выдумки все это, — выпаливает Леня — вот пойду сегодня и запишусь в радиокружок.

— Ну и иди!

— Ну и пойду!

— Иди!

— Пойду!

Ребята становятся в боевую позу: плечо против плеча, нос против носа. Сейчас сцепятся. Но, к счастью, в класс вваливаются гурьбой другие ученики...

До конца уроков Леня и Геша стараются не смотреть друг на друга, хотя и сидят за одной партой.

У Лени сердце отходчивей. После уроков он первый подходит к Геше и миролюбиво предлагает:

— Давай, Геша, пойдем на кружок. Там ребята интересную штуку строят: корабль, который по радио управляется... А это... с Шерлоком Холмсом — бросим. Не интересно уже...

— Не интересно? А адская машина? Ты ведь сам слышал, как он передавал.

— Ну, слышал... Так мы, наверно, что-нибудь напутали. Нет, Геша, ерунда все это.

— Сам ты ерунда! — с обидой в голосе выкрикивает Геша и выбегает из класса.

Лене становится жалко его. Наверно, Геше самому уже теперь не интересно. Но ведь он упрямый. Ни за что не признается...

В три часа дня Леня просовывает голову в дверь кабинета физики, где идет занятие радиокружка.

— Можно мне? — робко спрашивает он.

— Заходи... Смелее, смелее...

Леня заходит в кабинет и столбенеет от изумления...

«Последнему из племени шерлокхолмсов»

Дома никого нет. Мама с Ирочкой ушли к соседке тете Глаше на консультацию. В детском саду будет новогодний бал, и Ирочке шьют балериновое платье. Папа еще на работе, а дядю Петю Геша не видит уже второй день. И хорошо, что не видит. Неловко как-то Геше встречаться с ним. Шерлоку Холмсу хорошо было. Он со своими преступниками в одной квартире не жил. А тут попробуй, следи за дядей Петей, когда он такой веселый и всегда улыбается.

И, наверно, никакой он не таинственный человек. Правильно говорит Ленька — выдумки все это. И уже не интересно стало. Но все равно надо продолжать. Уж теперь-то, после ссоры, отступать никак нельзя. Назло Леньке! И пусть это выдумки, все равно он докажет...

Что докажет? Ничего он не докажет...

Ребята в кружке строят корабль. И управлять им будут по радио. Как это по радио? Наверно, пустят корабль в ванну. А в другой комнате будет радиопередатчик. Что кораблю прикажут по радио, то он и сделает. Скажут повернуть налево — он и повернет. Скажут направо — и он направо. Здорово!

Здорово-то здорово, но он-то здесь причем?.. Ну и пусть! Подумаешь, игрушек он не видел...

Геша ходит по комнате злой, как кот Васька, когда его таскают за хвост. Что делать? Разве грибов маринованных покушать с досады... Геша берется за знакомую банку. Там уже почти ничего не осталось. Лишь две грибных ножки сиротливо плавают в бесцветном соусе. Геша вылавливает ножку и отправляет в рот. Но тут же, брезгливо морщась,

выплевывает ее обратно. Фу, гадость! Совсем пресная, насквозь водой пропиталась.

В передней хлопает дверь. Дядя Петя пришел... И с ним еще кто-то. Ходят по комнате, смеются.

Вскоре в комнате дяди Пети начинает говорить радио. Оно запущено на полную мощность. Геша слышит страшный писк, треск, грохот. И вдруг раздаются слова:

— «Волна-3»... «Волна-3»... Это я, Петр. Это я, Петр. Как слышите? Прием.

Дядя Петя говорит по радио. Почему так громко? Вероятно, он думает, что никого нет дома.

— «Волна-3»... «Волна-3», — продолжает дядя Петя. — Меня кто-то обнаружил. Круг сжимается. Чувствую большую опасность. Адскую машину держать у себя больше не могу. Поставил ее в кладовую на верхнюю полку... Как слышите? Прием.

У Гешы пересыхают губы от волнения. Становится жарко. Значит, все-таки он прав! Значит, адская машина существует. Она здесь, рядом, в кладовой.

Слушать дальше ему не удастся — вернулась мама с Ирочкой. Зато теперь он не один. Можно действовать смелее.

Геша подходит к кладовой и осторожно приоткрывает дверь. Так и есть! На верхней полке лежит чемоданчик. Адская машина!

— Тик-так! Тик-так, — раздается в тишине.

Геша бледнеет. «Тик-так!». Это значит, что механизм адской машины заведен. Еще несколько минут — и дом взлетит на воздух.

Он бросается в комнату.

— Мама! Mamочка! Скорей! Скорей! В кладовой адская машина!

Мама смотрит на Гешу таким взглядом, словно хочет сказать: с ума сошел! Но она ничего не говорит. Идет к кладовой и снимает с полки чемодан.

— Осторожно, мамочка!

Геша отпрыгивает в сторону и закрывает лицо руками. Но взрыва нет. Круглыми от страха глазами Геша решается, наконец, посмотреть на чемодан. Он пуст — один лишь будильник лежит. Это он и тикал, так напугав Гешу.

— Вот, возьми. В чемодане было, — говорит мама и подает Геше белый конверт с надписью: «Геше, последнему из племени шерлокхолмсов».

Геша поспешно вытаскивает письмо и читает:

«О, великий разгадыватель тайн!

У тебя глаза зорче, чем у степного орла. Ты сумел в темной прихожей разглядеть пистолет в моей руке.

Но увы! Это был не пистолет, а карманный фонарик.

У тебя уши чутче, чем у зайца. Ты услышал слова, которые я выстукивал на ключе для тренировки.

Но ты плохо знаешь азбуку Морзе. Точка — это не «а», а «е». «Айская ма» — это не адская машина, а ейская махорка.

У тебя догадка остра, как бритва. Ты сразу догадался, что дом на Партизанской — таинственный дом и что живут там мои сообщники.

Но ты чуть-чуть ошибся. В этом доме живет не преступник, а главный конструктор нашего завода. Он заболел, и я приходил к нему по делу.

У тебя нюх тоньше, чем у гончей. Ты учуял, что я спрятал в подвале адскую машину. Но вот беда — ты ее не нашел. Лишь разбросал по всему сарайчику мои тетради (кстати, тебе придется собрать их снова).

Зато ты обнаружил адскую машину сейчас.
Ну, как она тебе нравится?

Твой таинственный сосед, владелец адской
машины

Д. П.»

Геша ошеломлен. Откуда дядя Петя все знает?

— Что там написано? — улыбаясь, спрашивает мама.

— Так, ничего, — еле выговаривает Геша и бежит в спальню.

Здесь он забивается в угол между гардеробом и стеной и дает волю слезам. И чего он только плачет? Наверно, сам не поймет. Обидно ему, конечно, что впросак попал. Но что поделаешь — сам ведь виноват!

Дверь тихонько открывается. Это... дядя Петя.

— Геша, где ты?

Геша молчит. Но дядя Петя уже заметил его.

— Что, обиделся? Вот это зря. Я ведь пошутил... Ну, пошли ко мне, я тебе кое-что покажу.

Широкая теплая ладонь ложится Геше на шею и легонько подталкивает вперед. Геша чуть-чуть сопротивляется для приличия, но все же идет. Еще бы — в комнату дяди Пети!

Ну и комната! Сколько здесь всяких аппаратов! Вот самодельный телевизор. Большущий приемник — таких Геша еще не видел. А это, на отдельном столике? Наверно, радиопередатчик. Дядя Петя садится возле него, надевает наушники...

— Геша!

Геша быстро оборачивается. За ним стоит... Ленька.

— Как ты сюда попал? — удивляется Геша.

— А я с дядей Петей пришел, — говорит Леня, улыбаясь во весь рот. — Никакой он не враг вовсе, а самый обыкновенный человек. То-есть не самый обыкновенный, а руководитель нашего кружка. Он на

радиозаводе работает, конструктором. На войне был — радист первого класса. А теперь радиолюбитель. Вот!.. Сегодня я пошел на кружок и вдруг вижу — он! И он меня тоже узнал. Оказывается, видел, когда я в окошко смотрел. И про погреб знает — ему дворник говорил. Ну и спросил меня, зачем мы это все делаем. Я рассказал. Вот он хохотал, вот хохотал!.. А потом позвал к себе домой, и мы с ним тебе письмо написали... Здорово, а?

Геша стоит, растерянный, и не знает, что делать... Сердиться? Вроде бы не за что... Смеяться? Над самим собой, да?..

— Эх ты, еще друг называется, — не совсем уверенно начинает он.

— Тихо! — вдруг говорит дядя Петя. Он сидит с сосредоточенным лицом у радиопередатчика и вслушивается в позывные. Затем берется за ключ и начинает выбивать четкую дробь:

— Тук-тук... тук-тук-тук...

Закончив передачу, дядя Петя снимает наушники и весело потирает руки.

— Ну, шерлокхолмсы, угадайте-ка, с кем я сейчас разговаривал?

— С Москвой! — в один голос восторженно кричат ребята.

— Не угадали...

Дядя Петя склоняется над радиолюбительским журналом и пишет:

«29 декабря... в 20 часов 37 минут установил двухстороннюю связь с дрейфующей станцией «Северный полюс-5»...

Северный полюс...

Перед ребятами на секунду встают бескрайние снежные просторы далекой Арктики... Вот стоянка смелых советских полярников. У радиопередатчика

склонился человек в меховой куртке... Он очень далеко отсюда — за многие тысячи километров. Но дядя Петя говорил с ним сейчас. Вот отсюда, из этой комнаты! На их глазах!

Геша и Леня переглядываются. Они без слов понимают друг друга. Решено! Они будут радистами. Да, да, только радистами, как дядя Петя.

Разве есть на свете что-нибудь еще интереснее, а?

Ежовые рукавицы

Валерка захлопнул дверь квартиры и стремглав сбежал по лестнице. Выскочив из подъезда, он остановился, сунул руки в карманы и пошел медленным шагом, заставляя себя смотреть только вперед.

На углу он все-таки не выдержал и оглянулся: а вдруг Тамара бежит за ним? Но сзади никого не было. Валерка вздохнул с облегчением, перешел дорогу и шлепнулся на скамейку в скверике.

Вот ведь как бывает: хочешь помочь человеку, а вместо этого — неприятность. Откуда он мог знать, что утюг такой горячий?.. Тамара как раскричалась: «Кто тебя просил?» А сама каждый день твердит, что он ей совсем не помогает. И вот только собрался помочь, она сразу драться. Еле ноги унес! Как будто он нарочно ей блузку прожег. Да и дырка-то совсем небольшая, вполне можно заплату пришить.

Нет, Тамара просто придирается к нему. И вообще, с тех пор, как она поступила в свой медицинский институт, дома стало невозможно жить. Ребят к себе не води — они, видите ли, мешают ей заниматься! Не кричи, не свисти, не стучи... Да кто он, в конце концов, — мальчик или девчонка какая-нибудь!

И главное, злопамятная! Теперь весь день дома не появляйся — обязательно отлупит... Ой, скорей хоть бы мама с папой с курорта возвращались. Он тогда им все расскажет: и как Тамара маминой губной помадой красилась, и как косы остричь хотела.

Но когда они еще вернутся! Ведь только неделя прошла, как уехали...

— Ты что здесь делаешь?

Валерка машинально шарахнулся в сторону. Но тут же сообразил: голос-то ведь Адъютанта.

Точно, он! Стоит Сережка Королев в своих коротеньких штанишках, маленький, круглый, руки по швам протянул — ребята его за эту привычку и еще за то, что он вечно за Валеркой тянется, куда бы тот ни шел, Адъютантом прозвали.

— Ничего не делаю. Так сижу, отдыхаю.

— А ты почему из подъезда так быстро выбежал? Я из окна видел. Опять Тамара, да? — сочувственно спросил Адъютант.

Таиться от него не было смысла.

— Опять, — горестно кивнул головой Валерка. — Дерется... Только ты никому не говори, слышишь! — спохватился он. Еще сболтнет Адъютант одному, другому — и пойдет по двору слух, что его побилла сестра. — Воображает: студентка! А сама даже не знает, что такое кон... кон... конденсация. Профессор спросил, так она как в рот воды набрала. Если бы в школе — сразу кол... Тоже трудное слово нашла: кон... конденсация.

— А ты знаешь? — с почтением в голосе спросил Адъютант.

Он учился еще только в первом, и третьеклассник Валерка был для него образцом учености.

Валерка чуть смутился.

— А мне для чего? Его, может, еще только в пятом проходят... А вот Тамарка должна все-все слова знать.

И тут он заметил, что Адъютант что-то держит в кулаке.

— Что там у тебя?

— Деньга. Я ее вчера в Дарьиной роще нашел.

— Покажи!

Адъютант положил на ладонь Валерки истертую медную монету с двуглавым орлом и витиеватой надписью: «Одна копейка». Валерка осмотрел ее с видом знатока и сделал большие глаза:

— Золотая!

— Правда? — обрадовался Адъютант. И сразу великодушно предложил: — Хочешь, возьми себе.

— Давай, что ли, — снисходительно согласился Валерка. — Послушай, — оживился он. — А может там целый клад... Пошли, а?..

Ребята зашагали к Дарьиной роще. Собственно, никакой рощи там не было. Просто несколько сосен, чудом уцелевших на песчаном бугорке вблизи центральной магистрали города.

— Вот здесь я ее нашел. — Адъютант показал на небольшую ямку возле одного из деревьев. — Прямо на земле лежала.

Они поползали немного на коленях по сырому после недавнего дождя песку.

— Нет, так ничего не найдешь, — вздохнул Валерка. — Лопату надо.

Он встал, отряхнулся и с ужасом увидел, что на брюках остались большие грязные пятна. Опять влетит от Тамарки! Она эти брюки только вчера выстирала.

— Запачкался, да, Валера?

Адъютант осмотрелся: нет ли поблизости какой-нибудь бумажки? Вот там, в кустах, кажется, тряпка лежит... Он нагнулся, протянул руку и вдруг испуганно попятился:

— Ой, Валера, Валера!

Тряпка подскочила и угрожающе зафыркала.

— Не бойся, это еж, — сказал Валерка.

Он поднял с земли сухую хворостинку и тронул ею ежа. Тот моментально свернулся в клубок, выставив во все стороны колющие иглы.

— Хорошо бы его выдрессировать, — мечтательно произнес Валерка. — Научить ходить на задних лапках, а потом цирк во дворе устроить.

— А разве ежи на задних лапках ходят? — усомнился Адъютант.

— Еще как ходят!

Ежу надоело лежать в клубке. Он осторожно вытянул длинную черную мордочку. Маленькие, как бусинки, глазки уставились на ребят.

— Смотри... Я его Гришкой назову. Гришка, Гришенька, — ласково позвал Адъютант.

Еж фыркнул.

— Отзывается! — обрадовался Адъютант и нагнулся к ежу. Тот снова свернулся и зашипел, словно проколотая велосипедная камера.

— Ладно, хватит, надо его забирать... Только где я его держать буду? — озабоченно произнес Валерка.

Адъютант поднял на него большие синие глаза.

— Ты? — удивился он. — Почему ты? Ведь это мой еж.

— Твой? Ха-ха-ха! Еще что придумаешь.

— Как? Я же его первым увидел.

— А я первый подошел!

— Нет, я!

— Я!..

Валерка сорвал с головы кепку, накрыл ею ежа и, подсунув под него хворостину, быстро приподнял. Еж оказался в кепке. Держа ее в вытянутой руке, Валерка быстро зашагал к дому. Адъютант бежал за ним и прерывающимся от обиды голосом твердил:

— Отдай ежа! Отдай!

Лишь возле скверика Адъютант отстал и с плачем побежал домой — он жил в одном доме с Валеркой, только в другом подъезде.

Валерка с облегчением вздохнул. Неприятно все-таки, когда бегут с тобой рядом и кричат, что ты вор... Но тут ему пришло в голову, что он, пожалуй, напрасно взял ежа. Мама, конечно, ничего не сказала бы. Но Тамара... Еще неизвестно, как она отнесется к этому. Тут надо все хорошенько продумать: и как ей про ежа сказать и что делать, если она заупрямится...

Чем ближе к дому, тем медленнее и нерешительнее становились Валеркины шаги. Вот если бы мама была дома... И зачем только выдумали этих старших сестер!

Кто-то хлопнул его по плечу так, что он чуть не выронил кепку с ежом. Валерка обернулся, преисполненный решимости с боем отстоять свой трофей.

Но это был только Рудольф — знакомый Тамары, тоже студент-медик, старше ее на два курса. На нем был широченный пиджак серовато-оранжевого цвета, исчерченный черными клетками, до того пестрый, что рябило в глазах. Над оттопыренной верхней губой тоненькой ниточкой пробегали еле заметные рыжеватые усики.

— Салют потомку!.. Тамара дома?

— Дома, — буркнул Валерка. Он не любил Рудольфа, хоть тот и подарил ему однажды два стеклянных шарика. Говорит всегда непонятно. Издевается, наверно.

— Что это у тебя в верхних конечностях?

— В верхних чего?

— Чего, чего — культура у тебя ниже уровня моря... В руках что, спрашиваю.

— Ничего, кепка.

— Это я уже успел заметить, что кепка, о, мудрейший из вундеркиндов. А в ней что?

Рудольф дотронулся до кепки, но тут же раздалось громкое шипение. Он быстро отдернул руку.

— Змея?!

— Ничего не змея, — засмеялся Валерка. — Это еж. Вот, смотрите. — Он приоткрыл край кепки. — Только вы Тамаре ничего не говорите, ладно?

— Что ты, что ты! Гроб-могила!.. Ну, поиграйся еще. Ежам очень полезен свежий воздух. Аэротерапия, так сказать...

Рудольф вошел в подъезд, а Валерка остался на улице. Как же поступить? Сказать Тамаре про ежа сейчас или лучше вечером? Нет, надо сейчас, пока Рудольф там. Тамара не станет при нем особенно ругаться.

Он поднялся на второй этаж и позвонил. Дверь открыл Рудольф. При виде Валерки он состроил кислое лицо.

— Уже наигрался?

— Ага...

Валерка быстро прошел на кухню и осмотрелся. Куда бы спрятать ежа на время переговоров?

А что, если в ящик кухонного стола? В нем ведь, кажется, кроме вилок, ножей и ложек, ничего нет... Он открыл ящик, и, вытряхнув из кепки ежа, снова закрыл, оставив маленькую щелку, чтобы еж не задохнулся. Потом пошел в столовую.

Там стояла напряженная тишина. Рудольф почему-то смотрел в окно и нервно барабанил пальцами по подоконнику. Тамара сидела за столом, обложенная учебниками, и писала в тетради, словно никого в комнате и не было. На Валерку никто не обратил внимания. Он потоптался немного у двери и решил, что пора начинать:

— Тамара!

— Что тебе, Валерий?

— Помнишь, ты один раз сказала, что любишь животных?

Тамара никогда ничего подобного ему не говорила — она вообще с ним разговаривала очень мало. Но у Валерки был свой тонкий расчет. Разве она скажет при Рудольфе, что до визга боится мышей, терпеть не может кошек, за версту обходит собак...

— Ну, предположим, помню. А почему ты вдруг об этом заговорил?

— Я... Я хочу ежа домой принести, — выпалил он.

— Ежа? Ты что... — Тамара, видно, хотела прикрикнуть на него, но вспомнила о Рудольфе. — Зачем он тебе понадобился? Подумай сам, Валерий, зачем тебе еж?

— Я его дрессировать буду. И еще... — Тут Валерка пустил в ход свой главный аргумент: — И еще он гадюк ловит. Вот!

Тамара рассмеялась.

— Откуда же здесь гадюки? В городе, на третьем этаже... Сколько в тебе еще детства, Валерий.

Валерка рассердился. Ах так! Сейчас он ей покажет — детство.

— Ну, не змей, так мышей ловить будет. А то ты как увидишь мышку, на весь дом крик поднимаешь (Тамара переменялась в лице). Еще еж насекомых ест. А у нас тараканов полно (Тамара судорожно схватилась рукой за стол)... И клопы в твоей кровати...

Тамара вскочила из-за стола. Но Валерка был начеку. Он тотчас же юркнул за дверь и выбежал на лестницу.

— Вон отсюда, противный мальчишка! — неслось из столовой. — И если ты только посмеешь принести сюда своего мерзкого ежа, я его... я его...

— Он уже принес его, Томочка, — смеялся Рудольф. — Постфактум! Я сам видел, как он тащил его наверх... Хотите, Томочка, я вам дам хороший совет? Надо вашего уважаемого братца взять в ежовые рукавицы. В ежовые рукавицы!..

Голоса стали глуше. Видно, Тамара прикрыла дверь столовой.

Валерка весь трясся от негодования. Ах, предатель! Ведь он обещал ничего не говорить. «Гроб-могила!». И еще советует Тамаре взять его в ежовые рукавицы.

Что это за рукавицы такие? С иглами, наверное. Для чего же они нужны, эти рукавицы? Неужели, чтобы драться?.. А что! Рассказывал ведь Рудольф, что у

одного его знакомого есть кастет. Его надевают на руку и дерутся. И перчатки ежовые, наверное, тоже для драки...

Внизу хлопнула дверь, и тотчас же на лестнице раздались легкие быстрые шаги. Валерка сразу узнал их. Это был дядя Витя — преподаватель физкультуры, известный футболист, вратарь местной команды «Динамо». Он жил этажом выше и до недавнего времени часто заходил к ним в гости. Дядя Витя был весельчак и затейник. Он показывал разные фокусы, затевал игры, в которых участвовали и Тамара, и Валерка, и мама. Даже папа и тот снимал пенсне, откладывал в сторону свою вечную газету и, снисходительно улыбаясь, включался в «отгадайку»...

А потом дядя Витя вдруг перестал бывать у них. Вероятно, в этом была виновата Тамара. Валерка случайно слышал, как перед самым отъездом мама говорила ей: «Думаешь, я не вижу, как ты переживаешь? И все из-за своего глупого самолюбия. А я бы подошла к нему и извинилась. Раз виновата — что делать?..»

Но теперь дядя Витя, видно, снова направлялся к ним, так как не поднялся выше, на свой этаж, а остановился на площадке.

— Здравсте, дядя Витя... Вы к нам? — обрадованно спросил Валерка, выскакивая из своего излюбленного угла возле лестницы. Он видел оттуда всех, а его самого нелегко было заметить — темно.

— Я?.. — Дядя Витя выглядел растерянным, словно его застали за чем-то нехорошим. — Собственно говоря, да... А Тамара дома? — спросил он.

— Тамара? — удивился Валерка. Зачем ему Тамара, ведь он с ней в ссоре? И вдруг вспомнил: сегодня днем они разговаривали во дворе — он сам видел. Помирились, значит.

— Дома, дома Тамара... Вы заходите, дядя Витя. Сыграем в отгадайку, а? Вы, я, Тамара, ну, и Рудольф...

— Рудольф? — Дядя Витя снял руку с дверной скобки. — Он что, у вас?.. Ладно, я в другой раз зайду.

Он повернулся к лестнице.

— Дядя Витя, — схватил его за руку Валерка. — Скажите, какие бывают ежовые перчатки?

— Ежовые перчатки? Рукавицы, может быть?

— Ну, рукавицы.

— Это... это не буквально надо понимать. В переносном смысле. Понял?

— Ага, понял... А их не из ежей делают, а? — пришла в голову Валерке ужасная мысль.

Дядя Витя улыбнулся:

— Эх ты, герой... Понятное дело, из ежей, из чего же еще? Видал, какие они колючие...

Дядя Витя ушел к себе наверх, а Валерка стоял на лестничной площадке и злился. Вот, оказывается, что этот Рудольф Тамаре посоветовал: сделать перчатки из его ежика, а потом этими перчатками драться!

А Тамарка вполне это может сделать! Туфли из змеиной кожи у нее есть? Есть! Сумку из крокодиловой кожи у папы выклянчивала. «Ах, папочка, это ведь так модно!» А вдруг ежовые перчатки тоже модно?.. Надо сейчас же вытащить ежа из ящика. А то ей понадобится вилка или ложка, она откроет ящик, увидит ежа и тогда...

Но не успел Валерка взяться за ручку, как дверь отворилась и вышел Рудольф. Вид у него был такой, словно его самого отделали ежовыми рукавицами. Ни слова не говоря, он локтем отодвинул с дороги Валерку и пошел вниз по лестнице, глухо стуча здоровенными башмаками на гусеничном ходу.

Тамара стояла на кухне возле самого столика. У Валерки екнуло сердце: «Нашла ежа!» Но она смотрела не на ящик, а на улицу. Валерка тоже выглянул в окно.

Он увидел Рудольфа. Приподняв брюки, чтобы не забрызгаться, тот обходил большую лужу. Издали это выглядело так, словно Рудольф собирается пуститься в пляс.

Тамара рассмеялась и отошла от окна. Что-то напевая себе под нос, она пошла в спальню. «Вертеться перед зеркалом будет», — определил Валерка и осторожно вытащил ящик стола.

Еж спал, удобно устроившись между двумя ложками.

— Посмотри, который час! — раздалось из спальни.

Валерка кинул взгляд на кухонные ходики.

— Восемь часов и еще пятнадцать минут, — крикнул он, осторожно завертывая ежа в посудное полотенце.

Куда бы его упрятать?

— Посмотри, там кто-то стучится, — снова донеслось из спальни.

Держа ежа в руке, Валерка побежал к двери.

— Никого нет!

— Неужели никого?

В столовой раздались Тамарины шаги. Опасность! Валерка быстро глянул в большую кастрюлю, стоявшую на холодной плите. Пустая! Он сунул туда ежа, укутанного в полотенце, и закрыл крышку.

На пороге кухни появилась Тамара. Она была в новом синем платье. На грудь она приколотла большой сиреневый цветок. «С маминой шляпы, — тотчас же узнал его Валерка. — Ох, и влетит же Тамарке».

— В самом деле, девятый час... Странно... Скажи, Валера, ты не видел дядю Витю? Он не спрашивал меня, когда здесь был этот... Рудольф?

Ах, вот кого она ждет — дядю Витю!

— Нет, не заходил, — соврал Валерка, сам не зная для чего.

— Не понимаю... — Тамара на минуту задумалась. — Я выйду ненадолго. Смотри, не натвори здесь чего-

нибудь...

Теперь Валерка мог беспрепятственно заняться ежом. Он вытащил его из кастрюли, опустил на пол. Нашел в шкафу котлету и стал совать ежу прямо в рыльце. Тот сначала фыркал и сворачивался в клубок, а потом схватил котлету своими острыми зубками и давай ее поедать, быстро-быстро шевеля челюстями и настороженно глядя по сторонам черными глазками. При этом он не забывал угрожающе фыркать и мгновенно выставлял вперед колючие иглы, как только Валерка делал попытку дотронуться до него.

Скоро от котлеты осталось лишь несколько крошек. Еж деловито обнюхал их и тоже съел.

— Ой, какой ты обжора, Гришка!

Валерка положил на пол еще одну котлету. Но еж не стал ее есть. Выдвинув вперед острую мордочку, он быстро побежал по кухне, смешно перебирая короткими черными лапками.

У Валерки созрел план. Он спрячет ежа в своем портфеле. Гришка в нем прекрасно переночует.

Портфель лежал в столовой. Там было темно. Валерка влез на стул и повернул выключатель. Вспыхнул свет, и он вздрогнул от неожиданности. Тамара, оказывается, никуда не уходила. Она лежала на диване в своем попом платье и как будто... Да, да, веки у нее были красные и припухшие.

— Заснула немного... — Она зябко передернула плечами, потянулась и зевнула, хотя вовсе не выглядела сонной. — Сейчас я тебе принесу поужинать — и спать. Котлеты есть будешь?

Если она сейчас пойдет на кухню, то все пропало! Там бегают еж.

— Не хочу! — Валерка схватил портфель и, как метеор, помчался на кухню.

— Куда ты с портфелем?

К счастью, еж куда-то спрятался, наверное, под стол. Но он мог появиться в любой момент.

— Не хочу есть! Не хочу! — закричал Валерка, размахивая руками.

Он был готов сделать все, что угодно, лишь бы спасти своего Гришку.

— Перестань орать! Не хочешь есть — не надо. Сейчас же мыться — и марш в постель!

Оставаться дальше на кухне было опасно. Валерка сполоснул у раковины лицо и пошел в спальню, ломая голову над тем, как перетащить к себе Гришку.

Тамара легла на диване в столовой. Вдруг на кухне раздалось громкое звяканье кастрюли.

— Кто там? — У Тамары срывался голос.

— Наверное, крысы, — успокоил ее Валерка.

— Какой ужас!

Звяканье возобновилось снова. Вдобавок слышалось царапанье.

— Пойду разгоню их, — храбро заявил Валерка и босиком побежал на кухню.

Конечно, это был еж. Он опрокинул кастрюлю, пустую бутылку и возился у дверцы столика. Валерка схватил его, окрутил полотенцем и сунул в портфель. Затем он закричал: «Кыш, кыш, проклятые!» и поднял такой шум, что не только крысы — львы разбежались бы в ужасе.

— Ох, сколько их там было! — сказал он, проходя с портфелем через столовую с видом победителя.

— А ты не выдумываешь? — Тамара подозрительно посмотрела на него. — Зачем портфель потащил в спальню?

— Портфель? Надо утром стихотворение повторить. Знаешь, трудное какое:

Над лесом погасла полоска
заката,

Гори же, гори, пионерский
костер.

Он вошел в спальню, поставил портфель у стены и шмыгнул под одеяло.

Гришка оказался очень беспокойным ежом. Вместо того, чтобы тихо-мирно сидеть в портфеле, он начал ворочаться, фыркать, шипеть. Видно, ему там что-то не понравилось. Валерка стал сморкаться и кашлять — надо же было как-то отвлечь внимание Тамары.

Но еж не унимался. «Наверное, ему скучно», — подумал Валерка и решился на подвиг: он возьмет Гришку к себе в кровать. Укутает его в простыню, чтобы не кололся, и положит в ноги.

Он соскочил на пол и привел свой замысел в исполнение. Еж как будто действительно успокоился — наверное, осваивался с новой обстановкой. Потом он снова зашевелился и...

— Ай, — крикнул Валерка.

Еж больно укусил его за ногу.

В дверях спальни показалась встревоженная Тамара.

— Что с тобой? Что ты кричишь?

Валерка притворился спящим. Только бы Гришка не подвел! Но еж, словно почувствовав опасность, лежал не шевелясь. Лишь когда Тамара снова улеглась, решив, вероятно, что Валерка крикнул со сна, он опять заворочался. Валерка почувствовал укол, быстро поджал ноги к подбородку и откинул край одеяла. Так и есть! Гришка уже вылез из простыни.

Как же быть дальше? Спать с таким колючим и кусачим существом, разумеется, невозможно. Положить его снова в портфель? Он поднимет возню, и Тамара услышит.

Надо его спрятать. Но куда? Вот если бы на улице можно было...

А если в портфель и...

Это дело! Надо взять чемоданный ремень — он здесь, в шкафу, — привязать к нему портфель и опустить за окно. Пусть Гришка возится себе там, сколько хочет — его никто не услышит.

Валерка прислушался. Из соседней комнаты доносилось ровное дыхание. Тамара спит.

Он осторожно, на цыпочках подошел к шкафу, открыл дверцу — хорошо еще, что она не закрипела! Вытащил ремень, продел его через ручку портфеля, из которого предварительно вытащил все книги.

Снова пошла в ход простыня, и еж оказался в портфеле. Теперь опустить за окно... Так!

Валерка закрепил свободный конец ремня за шпингалет и юркнул под одеяло.

Вот и все! Еж в безопасности. Завтра Валерка проснется пораньше и вытащит портфель. Ежа придется взять с собой в школу... Потому что Тамара может... Тамара может... Тамара...

Валерку разбудило дребезжание звонка в передней. Он открыл глаза. Было уже совсем светло. Валерка соскочил с постели и бросился к окну. Пора вытаскивать портфель.

Но портфеля за окном не было. Упал? Валерка высунулся до пояса и посмотрел вниз. Нет, внизу его нет. И ремня нигде не видно.

Где же он?

— Валера! Иди сюда! — позвала Тамара из столовой. — Иди же скорей! Твой портфель на улице нашли.

Валерка бросился в столовую. Там стоял улыбающийся дядя Витя с портфелем и чемоданным ремнем в руке.

— Ты что, герой, портфелями швыряешься? Иду я, понимаешь, на работу... На, возьми.

Валерка схватил портфель и сунул в него руку. Пусто! И на дне лужица...

— А Гришка где?

— Какой Гришка?

— Мой Гришка... Еж, еж, еж! — закричал он со слезами в голосе.

Дядя Витя развел руками:

— Не знаю... Никакого ежа в портфеле не было.

Валерка кинулся в спальню.

— Не понимаю, что с ним такое делается, — сказала Тамара. — Вчера весь вечер ежом бредил, даже кричал во сне. Сегодня опять... Слушай, Виктор, почему ты вчера не пришел? — вдруг спросила она.

— У тебя ведь был этот... как его?... с усиками. Зачем я буду мешать?

— Почему ты так говоришь, Виктор? — Тамара посмотрела на Виктора с укором. — Ну что я могу сделать, если он опять зашел. Я уж и так с ним совсем не разговариваю... Постой, постой, а откуда ты знаешь, что он был у меня?

— Мне Валера сказал.

— Валерка? Значит, он все-таки тебя вчера видел?

— Еще бы не видел! Про ежовые рукавицы все расспрашивал... Из чего, говорит, они делаются, — усмехнулся Виктор.

— Ах, вот как! Значит, он мне соврал, этот противный мальчишка... Валера! Валерка! Где ты? Валерка!

Но Валерка ничего не слышал. Он лежал ничком на кровати и горькими слезами оплакивал невозвратимую утрату.

...Когда он, наконец, собрался в школу, времени до начала уроков оставалось в обрез. Но у подъезда, как всегда, его ждал верный Адъютант, веселый,

улыбающийся. Он, видно, совсем уж забыл про вчерашнюю ссору.

— Ну, как Гришка поживает? — был первый его вопрос. — Тамара не выбросила?

Что ему сказать? Что сказать?

— Вот еще! — не очень уверенно начал Валерка. — Дам я ей выбросить, как же!.. Я... Я... — Тут он, наконец, придумал и заговорил веселее. — Я сам отнес его обратно в Дарьину рощу. Еще вчера вечером. Для чего мучить ежа, спрашивается? Я же пионер, — вспомнил он весьма кстати. — У него, может, там детки есть. Пусть себе живет на свободе.

— Эх ты! — Впервые за все время их знакомства Адъютант говорил с Валеркой в таком тоне. — Зачем отпустил? Отдал бы мне — было бы у меня теперь целых два ежа. Вот бы я их выдрессировал!

Валерка насторожился.

— Как два? А у тебя откуда еж?

Адъютант оживился:

— Мама принесла. Идет она сегодня утром с базара и у крыльца вдруг видит — еж! Откуда только он у нас во дворе взялся? Почти совсем такой же, как твой Гришка. Может, брат, а? Я его знаешь как назвал — Тишка. Буду разным штукам обучать: танцевать под губную гармошку, прыгать через палочки. Я ему домик из картона сделал, я...

Адъютант трещал и трещал без умолку, а Валерка шел рядом и молча страдал.

Клад

После долгого ненастья выглянуло солнышко. Ребята, которым порядком наскучило в тесных школьных коридорах, на первой же перемене шумной стаей выбежали во двор. Поднялся веселый гомон. Первоклассники в серых костюмчиках, похожие друг на друга, словно воробьи, бестолково носились взад и вперед, оглашая воздух пронзительными, как свистки, голосами. Ребята повзрослее устроили кучу-малу, в самом низу которой деловито пыхтел толстый мальчишка. Старшеклассники соревновались по прыжкам в длину. Несколько девочек-подружек ходили по двору, взявшись под руки, и пели «Уральскую рябинушку».

Валерка стоял посреди двора и не знал, к кому присоединиться. Собственно говоря, его место было там, где куча-мала выросла уже в приличный холм. Но оттуда доносился голос Гешки Дорохова, а он с ним в ссоре. Пойти к прыгунам? Погонят прочь — эти ребята из последних классов не очень-то церемонятся с младшими.

С улицы громко застучали в ворота. Один из старшеклассников пошел открывать.

— Хлестаков! Хлестаков! — загалдели малыши и гуртом кинулись вслед за ним.

Старшеклассника, правда, звали Евгением Кульчинским, но на недавнем школьном вечере он здорово сыграл в пьесе роль Хлестакова, и впечатлительные зрители сразу же окрестили его по-своему.

Лениво перебирая ногами, во двор вошел школьный мерин Цезарь. Он тащил телегу, на которой погромыхивала большая куча ржавых листов железа,

банок, обручей, стоек, старых кроватей — металлический лом. Вверху кучи, поджав под себя ноги, словно китайский мандарин, восседал школьный сторож Иван Иванович, он же конюх.

Вслед за телегой вошли двое ребят.

— Что сие значит, господа почтенные? — картинно вскинув голову и подняв брови, спросил Евгений-Хлестаков.

Ему льстило внимание малолетних поклонников, и он не прочь был слегка порисоваться перед ними.

— Закрыто, — лаконично ответил один из сопровождавших телегу с металлоломом и устало вздохнул. — Зря только тащились!

— На базе, оказывается, сегодня выходной, — пояснил его товарищ, высокий, чуть сутулый юноша с веселыми черными глазами. Его знала вся школа — он был секретарем комсомольской организации. — Не приняли у нас ничего. Завтра в двенадцать, говорят, приезжайте.

Евгений присвистнул.

— Ну, все! Значит, обошли нас ремесленники. Сегодня же последний день соревнования.

— Не бойся. Ребят из ремесленного тоже обратно вернули, — успокоил его черноглазый секретарь. — Только знаешь, Женя, у них металлолому, пожалуй, побольше нашего... Надо бы еще подсобрать, пока есть время...

— Да где же его взять? Ведь все кругом обобрали. — Евгений сделал плавный широкий жест. — Все! Вот спроси хотя бы у него. — Тут он неожиданно показал рукой на Валерку. — За неимением железа он вчера нам доску деревянную приволок.

Кругом рассмеялись. Валерка покраснел и юркнул в толпу. И вовсе она не деревянная была эта доска, а с одной стороны обитая жестью. Просто надо было жесть отодрать — металлолом первый сорт! Но он сам не смог,

а Евгений не захотел возиться и выкинул доску. И теперь еще на смех поднимает!

— Все-таки надо искать, — донесся до Валерки голос черноглазого. — Из-за каких-нибудь ста килограммов первенство уступать! Ищите Плюшкиных — должны же они где-то быть! Уговорите их отдать школе металлолом!..

— Ну ладно, хлопцы, — прервал его вдохновенную речь Иван Иванович. — Что с этим барахлом делать будем: в телеге оставлять чи здесь сгружать?

— Почему здесь? — удивился Евгений-Хлестаков. — Надо обратно в сарай.

— Во-во! — Иван Иванович иронически прищурил глаз. — А дрова на улицу. Чтобы растащили.

— Какие еще дрова?

— Деревянные — во какие! За ними еще утром машину погнали... Придется барахло прямо сюда и сваливать.

Иван Иванович, кряхтя, стал слезать с телеги.

— Что вы, что вы, Ван Ваныч! — трагическим тоном воскликнул Евгений. — Разве можно здесь оставлять? На целую ночь, без охраны... Ведь ремесленники по всем дворам рыщут в поисках металлолома. Живо подберут.

— Повезем ко мне домой, — предложил черноглазый. — В сарае найдется место. А завтра прямо оттуда повезем на базу...

Раздалась резкая трель школьного звонка. Перемена кончилась. Валерка постоял немного, посмотрел, как Иван Иванович развернул телегу. Потом, сунув руки в карманы, не спеша пошел в класс.

— Не боишься на урок опоздать? — догнал его Евгений.

— Нет, — буркнул Валерка и нарочно пошел еще медленнее.

— Ишь ты какой: маленький да сердитый, — рассмеялся Евгений и хлопнул его по плечу. — На вот, возьми, не сердись. — Он порылся в кармане и вытащил значок спортсмена третьего разряда. Валерка замер, не смея поверить такому счастью. — Бери, бери! Он мне не нужен. Я уже второй разряд получил.

Валерка просиял. Он ввернул значок в петлицу, зашел в класс. Смиренно опустив голову, выслушал замечание учительницы. Затем сел на свою парту и гордо выпятил грудь. Пусть видит Гешка Дорохов, какой у него чудесный значок!

После обеда Валерка стал думать, чем бы заняться. Уроки делать? Ну, это он успеет и вечером. А сейчас надо поискать металлолом. Дома, конечно, не стоит — все, что здесь было металлического, он уже снес в школу два дня назад. Можно бы еще посмотреть во дворе, в сарае, но мама куда-то спрятала ключ.

Снова пойти по соседям, что ли?.. Да он уже и так всем надоел.

Как фамилия того человека, которого велел искать комсомольский секретарь? Плющин, кажется... Может, он у них во дворе живет? Надо посмотреть таблички с фамилиями жильцов. Они висят в каждом подъезде.

Дом, в котором живет Валерка, большой — в нем целых восемь подъездов. Но Валерке повезло. Едва только он зашел в первый подъезд, как в глаза бросилась медная табличка на двери квартиры номер три. На ней было красиво, с завитушками выгравировано «Пущин».

Пущин? Он!.. Что теперь делать? Постучать в дверь. Когда откроют, сказать: «Здравствуйте. Нам в школе сказали, чтобы у вас взять металлолом». Или так: «Директор велел, чтобы вы отдали металлолом».

А может быть, сначала пойти посмотреть сарай этого Пущина. Если у него есть металлолом, то он,

конечно, держит его не в квартире.

Валерка побежал через двор к длинному деревянному строению, в котором помещались дровяные сараи жильцов.

Дверь сарая третьей квартиры была распахнута настежь. Оттуда доносился визг пилы. Валерка сунулся было в дверь, но из глубины сарая раздался громкий окрик:

— Эй, отойди! Свет загораживаешь!

Придется обождать. А сколько ждать? Может, он будет пилить до самого темна.

И тут Валерка увидел своего друга, первоклассника Сережку Королева.

— Адъютант! — позвал он.

Тот бросился к нему со всех ног.

— Видишь, в том сарае дверь открыта? Подойди и посмотри, нет ли там металлолома.

— Чего нет?

— Металлолома. Ну там жестянок всяких, банок...

Но Адъютанту тоже не удалось ничего увидеть.

— Отойди, тебе сказано! Вот сейчас как выйду, да поймаю... — слышалось из сарая.

Сережка испуганно отскочил в сторону.

— Пойдем лучше посмотрим в нашем сарае, — предложил он.

Валерка подумал и согласился. Чем стоять здесь и ждать, пока этот Пушин кончит пилить, лучше проверить еще один сарай.

Сережкин сарай был открыт, но в нем не оказалось ничего заслуживающего внимания. Одна-единственная банка из-под консервов. Валерка хотел ее взять, но потом раздумал: еще оконфузишься с этой банкой, как с той доской. Он пнул ее ногой. Жалобно звеня, банка покатилась к задней стенке сарая и громко стукнулась о что-то металлическое. Что там такое? Валерка

подошел поближе. Из стенки наполовину высунулся большой ржавый обруч.

Откуда он торчит? Ах да, к этой стенке недавно пристроили сарай для жильцов нового дома... Значит, этот обруч оттуда.

Валерка потянул за обруч. Он не поддавался. Валерка потянул сильнее, потом рванул изо всех сил. Что-то крякнуло, и неожиданно он оказался на земле с обручем в руках. А когда поднялся, то увидел, что одна из досок оторвалась от стенки и держится лишь на верхнем гвозде.

Первым побуждением Валерки было бежать из сарая. По тут же он сообразил, что ничего особенного не произошло. Ведь даже Адъютант, которого он оставил караулить снаружи, ничего не услышал.

Отложив в сторону обруч, Валерка просунул руку в образовавшееся отверстие, пошарил там и вытащил старую железную кочергу. Снова сунул руку. Опять трофей — на сей раз дырявый алюминиевый чайник.

Валерка чуть было не заплясал от радости. Он подозвал Адъютанта и торопливым шепотом велел закрыть себя снаружи.

— Отопрешь, когда я постучу вот так: раз, два, три... Понял?

Адъютант закрыл дверь. Теперь свет проникал в сарай только сквозь щели в дверях и стене. Но глаза Валерки быстро свыклись с темнотой. Он просунул в отверстие в задней стенке сначала ногу, потом плечо, и без особых усилий проскользнул в соседний сарай.

Мамочки! Да ведь здесь целый клад! Старое кровельное железо, обручи, дырявые миски, жестяных банок миллион — ну, словно кто-то нарочно приготовил для него целую кучу металлического добра.

Валерка не стал терять времени даром. Вскоре большая часть металлолома перекечевала через отверстие в Сережкин сарай.

Теперь хватит! Еще услышит кто-нибудь шум — и тогда...

Мокрый от пота, тяжело дыша, Валерка трижды стукнул в дверь. Она тотчас же открылась, и на пороге сарая появился Адъютант, сгоравший от любопытства.

Разинув рот от удивления, он посмотрел на грудку металла, на Валерку и вдруг принялся дико хохотать.

— Ты что! С ума сошел! — накинулся на него Валерка.

— Ой, ты на себя посмотри! — визжал от восторга Адъютант. — Лицо все измазано. Усы какие! Как трубочист! Нет, как Мойдодыр!

Валерка ткнул его кулаком, и Адъютант сразу перестал смеяться.

— Чего дерешься!

Он скорчил гримасу, явно собираясь зареветь.

— Ладно, ладно, — примирительным тоном произнес Валерка. — Ты вот лучше скажи, как это все в школу перенести.

— Давай ребят позову, — предложил Адъютант, моментально позабыв про обиду.

Валерка презрительно фыркнул.

— Еще что! Я, понимаешь, собрал металлолом, может, на целый трактор, а они придут на готовенькое и будут кричать: «Мы тоже!»

— В продовольственном магазине тачка большая есть, — вспомнил Адъютант. — Попроси, а?

— Не дадут, наверное, — засомневался Валерка.

Но все же он решил попробовать.

— Для чего тебе тачка? — спросил высокий худой рабочий из магазина. Один глаз у него был забавно прищурен, зато другой — стеклянный — смотрел строго. — Баловаться, да?

Узнав, что тачка нужна для благородных целей, рабочий смягчился. Он не только разрешил взять тачку, но даже сам повез на ней первую партию металлолома

— школа была недалеко. Валерка шел рядом, по-хозяйски придерживая тачку одной рукой, и гордо поглядывал на прохожих. Вот сколько он собрал! Один!

На следующее утро в школе только и было разговоров, что о Валеркином металлоломе.

— Молодец! — похвалил его черноглазый секретарь комсомольской организации. — Теперь мы наверняка обставим ремесленников.

— Что и говорить! Он совершил подвиг... Давайте, ребята, назовем что-нибудь его именем, — предложил Евгений, красивым жестом откидывая назад свои мягкие светлые волосы. — Ну, скажем, этот коридор. Звучит-то как: школьный коридор имени товарища Валерия. Каково!

Валерка сиял. Но триумф был еще впереди. Только начался третий урок, как в дверь класса постучали. Вошел секретарь комсомольской организации.

— Извините, Надежда Алексеевна, — обратился он к учительнице. — Директор разрешил Валере поехать с нами сдавать металлолом. Он ведь знает сколько собрал — больше всех!

— Что ж, — улыбнулась учительница. — Что заслужил, то заслужил. Можешь идти, Валера. Не забудь только уроки на завтра приготовить...

Через несколько минут Валерка уже сидел на телеге рядом с Иваном Ивановичем, комсомольским секретарем и Евгением. Он чувствовал себя на седьмом небе. Вот сзади лежат обручи, чайник, листы железа. Это ведь он все собрал. Он!

— Заедем сейчас ко мне, — сказал секретарь. — Заберем вчерашний металлолом — и на базу. Надо успеть к двенадцати. А то придется ждать, пока ремесленники сдадут.

— Ну, теперь им все равно крышка, — рассмеялся Евгений. — Хоть раньше нас сдадут, хоть позже — какая разница!

Иван Иванович потянул вожжу, и Цезарь свернул в переулок.

— Ты здесь живешь? В новом доме, да? — спросил секретаря Валерка. — И я тут, совсем рядом. Вон тот дом, видишь? Хорошие у нас дома, правда?

Он чувствовал себя со старшеклассниками на короткой ноге.

Телега въехала во двор и остановилась перед одним из многочисленных сараев. Они были построены совсем недавно. Вокруг валялись опилки, стружки, обрезки досок.

Секретарь сбегал домой, принес ключ и открыл замок.

— Давайте грузить!

Он широко распахнул дверь.

Первым в сарай вошел Иван Иванович.

— Хлопцы! — раздался его недоуменный голос. — Да куды ж наше барахло подевалось? Тут и половины нету.

Секретарь и Евгений встревоженно переглянулись и разом, как по команде, шагнули в сарай.

У Валерки вдруг защемило сердце, словно в предчувствии беды. Он окинул тревожным взглядом стройные ряды сараев.

Ой! Ведь они же пристроены к другим сараям. У них общая задняя стенка. А те сараи, что позади, это ведь...

Ой! Это же их сараи... Ой! Что он наделал!

— Доска в стене выломана! Безобразие! — слышались из сарая возмущенные голоса.

— Хотел бы я знать, кто это!

— Кто! Ремесленники, конечно.

— Погодите, вот значок какой-то лежит.

Евгений вышел из сарая на свет.

— Значок спортсмена третьего разряда, — растерянно произнес он, рассмотрев находку. — Мой значок! Как он сюда попал?

И вдруг глаза его расширились.

— Валерка, иди сюда! — крикнул он. — Валерка! Валерка!

Но Валерка был уже далеко.

Его ноги неслись так быстро, что он за ними едва поспевал.

Борщ

Однажды в совхозной стенгазете появилась заметка о ловле сусликов, вызвавшая, много толков. Собственно, толки вызвала не сама заметка, а дружеский шарж, помещенный рядом с ней. Никто не мог понять, что означают две стеклянные банки, подвешенные на поясе рыцаря, изображавшего комбайнера Женю Попова. Когда об этом спрашивали автора шаржа — Катю Петушкову, — она, загадочно улыбаясь, отвечала:

— Вы у Жени спросите. Пусть он сам расскажет, если хочет.

А Женя Попов клялся и божился, что понятия не имеет о значении банок.

Так рисунок и остался неразгаданным, хотя и вызвал немало толков.

С тех пор прошло уже немало времени. Теперь, пожалуй, можно приоткрыть завесу над этой маленькой тайной.

В тракторный вагончик заглянул веселый солнечный луч. Он медленно прошелся по верхней койке, потом по нижней. Пусто! Луч скользнул на столик у окна, осветил коробочку с акварельными красками, большой лист белой бумаги с аккуратно выписанным заголовком: «За высокий урожай»... Соскочил на пол. Ничего интересного!

Но вот еще одна койка. Из-под простыни торчит веснушчатый мальчишечий нос.

Луч подобрался к кончику носа и уселся на него верхом. Нос чуть отодвинулся. Но и луч не отстал. Тогда нос сморщился и дернулся:

— Апчхи!

Саня Петушков чихнул и проснулся. Полежал немного с открытыми глазами. Потом позвал:

— Катя!

Молчание. Саня повернулся к соседней койке. Никого! А где же Катя? И других девушек тоже нет. Так поздно уже?

Саня соскочил с койки, подбежал к двери и распахнул ее настежь. Э, нет! Солнце еще только поднялось над дальней рощицей. Часов пять, не больше.

А вот и Катя хлопочет у очага. На ней выходное платье — голубое с цветочками.

— Проснулся? — улыбнулась Катя. — Умойся и иди завтракать. Я тебе кашу гречневую сварила... Ну, я поехала.

— Поехала? Куда? — спросил чей-то голос.

Катя обернулась. Позади нее словно вырос из-под земли комбайнер Женя Попов. Он жил рядом, в избушке на курьих ножках, которую в совхозе почему-то называли «Замок грез».

— Куда ты едешь? — повторил он. — Ты что, забыла про обещанное? Сегодня ведь выходной.

— Ах да, борщ. Понимаешь, Женя, мы едем в соседний район с концертом. Присмотри, пожалуйста, за Саней.

Завязывая на ходу косынку, Катя побежала к конторе совхоза. Там стоял грузовик с участниками художественной самодеятельности.

— А как же все-таки борщ? — крикнул вслед Женя.

Катя обернулась:

— Сварю. К обеду вернемся.

Подбежав к грузовику, она схватилась руками за борт и ловко вскочила в кузов. Шофер дал сигнал, и машина, поднимая пыль, покатила по совхозной улице.

Женя посмотрел на Саню, все еще стоявшего в дверях вагончика.

— Чего ты стоишь? Опоздаем ведь!

— Я сейчас, дядя Женя, сию минуту.

Саня ринулся к рукомойнику, кое-как ополоснул лицо и руки. Затем затолкал в рот несколько ложек каши и, глотая ее на ходу, схватил два пустых ведра, приготовленных еще с вечера.

— Пошли, дядя Женя!

Они зашагали на другой конец поселка, туда, где за спортивной площадкой начиналось пшеничное поле. Позади них, виляя хвостом, трусил Кубик — вислоухий белый пес с черными крапинками на морде. Кубик был удивлен — почему Саня не обращает на него сегодня никакого внимания? Он даже тявкнул с досады.

Но Саня так и не посмотрел в сторону Кубика. Он шел, гремя ведрами, и думал совсем о другом. Сегодня у мальчишек совхоза большой день. Кто окажется более умелым в борьбе с сусликами — команда «Юг» или команда «Север»? Кто выйдет победителем?

До приезда к сестре в целинный совхоз Саня понятия не имел о сусликах. Слышал, правда, что есть

такие зверьки — и все. Здесь он впервые увидел их. Шел однажды с Катей по полю и вдруг увидел, как через дорогу перекатился серовато-коричневый комок.

— Что это?

— Суслик, — ответила Катя.

Вскоре он увидел еще одного суслика, потом еще... Их здесь было полным-полно! Они бегали по полям, искали пищу. Когда вблизи никого не было, поднимались столбиком на задние лапки и издавали тонкий писк, похожий на свист:

— Пи-пи...

Завидев человека, суслики бросались к своим норам и сидели в них до тех пор, пока не проходила опасность.

Суслики показались Сане очень симпатичными. У них черные блестящие глазки, похожие на смородинки, маленькие острые зубы. Бегают они очень смешно, быстро-быстро перебирая короткими лапками, будто катятся.

Но вскоре он узнал, что эти безобидные на вид зверьки приносят большой ущерб урожаю. Они уничтожают семена, портят молодые побеги, пожирают созревшие хлеба. Суслики — опасные вредители полей.

Саня объявил сусликам войну. Он собрал соседских мальчишек и вместе с ними двинулся в поход. Но сусликов не так-то просто ловить. Они забираются в свои глубокие, в два-три метра, норы, и попробуй их оттуда взять.

Саня решил пойти на выучку к колхозным ребятишкам — те-то знают, как ловить сусликов! Он добросовестно отшагал десять километров до соседнего села — и не зря! Сельские ребята действительно научили его многим приемам ловли сусликов. А потом неожиданно сказали:

— Вчера еще один пацан приходил из вашего совхоза. Тоже о сусликах спрашивал. Рыжий, конопатый

такой...

Рыжий? Конопатый? Это мог быть только Витька Сизов, насмешник и дразнила. Он почему-то не взлюбил Саню и всегда искал повод посмеяться над ним.

На другой день Саня со своей командой вышел на охоту за сусликами. Им не повезло, они поймали лишь несколько зверьков. Рыжий Витька высмеял незадачливых охотников. Саня страдал молча, терпеливо, как и полагается настоящему мужчине. Он дождался, пока пошел на охоту рыжий Витька со своими приверженцами. И — о, радость! — их охота тоже оказалась неудачной. Конечно, Саня постарался, чтобы об этом узнал весь совхоз.

И пошло, и пошло... Вместо того, чтобы уничтожать вредителей, ребята стали враждовать между собой. Дело дошло до драк...

И тут вмешался Женя Попов из «Замка грез». Как-то вечером он с трудом растащил сцепившихся главарей враждовавших команд Саню и Витю. Посмотрел на них, хитро прищутив глаз, подхватил одного за одну руку, другого за другую — и потащил к себе, в «Зáмок грез».

— Рассказывайте, из-за чего война, — потребовал он.

Ребята исподлобья поглядывали друг на друга. Потом Саня, решившись, сказал:

— Он мешает нам сусликов ловить.

— Ах, это я мешаю? Ты мешаешь! — вскричал Витя и замахнулся. Но Женя схватил его за руку.

— Тихо, не драться!.. Значит, он тебе мешает, а ты ему мешаешь? Так... Ну, а если ты ему мешать не будешь, и он тебе — что тогда?

Озадаченные ребята молчали.

— Тогда и дракам конец — верно?..

— Ага, — буркнул Витя только для того, чтобы отвязаться. Но его маневр не удался.

— Врешь, рыжий. Я тебя насквозь вижу. Опять драться полезешь... А вот давайте лучше по-честному. Выходите на открытый бой.

— Как это? — заинтересовался Саня.

— А так: пойдете в поле и будете там решать, кто из вас лучше сусликов ловит. На словах вы мастера. А вот покажите на деле...

— А что... — сказал Саня. Ему эта идея понравилась. Согласился и Витя.

— Значит, соревнование? Но смотрите, по всем правилам чтобы, — Женя строго глянул на ребят. — Главный судья буду я...

Решили провести соревнование в выходной день. Сообща разработали условия. Сторонники Вити объединялись в команду «Юг», они жили, в основном, на южном конце поселка, сторонники Сани — в команду «Север». Ловля начинается в шесть часов утра и продолжается до восьми часов вечера с перерывом на обед. Победителем считается та команда, которая своими силами, без посторонней помощи, уничтожит больше сусликов.

Три дня шла подготовка к соревнованию. Противники выбирали участки для ловли, распределяли обязанности между членами команды, готовили охотничью снасть.

И вот...

* * *

Команда «Север» расположилась на пригорке, неподалеку от колодца. Ребята пришли с ведрами, палками, веревками. Саню они приветствовали отнюдь не как начальника:

— Заспался!

— Соня ты, а не Саня...

— Жди его тут...

Саня не стал оправдываться. Виноват, что и говорить!

Маленький, загорелый, как житель Сахары, Коля Бахарев вытащил из ведра будильник. Он обещал, что принесет с собой часы и унес их из палатки, несмотря на бдительное мамино око.

— Без десяти шесть уже. Можно начинать!

— Обожди, — остановил его Саня. — Начнем ровно в шесть. Иначе получим штрафное очко... А где же Игорек? — вдруг заволновался он. Этого еще не доставало — не пришел старший капканщик!

Тут же выяснилось, что нет и других капканщиков. Куда же они подевались?

Саня побежал к палатке, где жила семья Игорька.

— Игорь, — крикнул Саня.

Он обождал немного. Никто не появлялся.

— Игорь! И-и-и-игорь! — затянул он на полную мощь.

Из палатки высунулась седая голова бабушки Игоря.

— Пошпать не дадут, о, гошподи, — зашамкала она. — Жаладил: Игорь, Игорь... Убег твой Игорь куда-то, уж давно убег.

Ничего не поделаешь, придется выступать без капканщиков! Саня вернулся к ребятам.

— Время!.. Шагом марш!

Босоногая команда, соблюдая равнение, перевалила через пригорок. Вот колодец. Здесь начинается их участок.

Кто там ползает по полю? Да ведь это капканщики! Почему они пришли сюда раньше времени?

— ...Почему? — сердито переспросил Игорь, не поднимаясь с земли. — А ты посмотри, что «южные» сделали. Они еще ночью расставили все капканы. Уже у них штук пятнадцать сусликов поймалось.

— Но ведь это не по правилам! — вскричал Саня. — Ловлю можно начинать только с шести.

— А они и начнут в шесть сусликов из капканов вытаскивать. Нет уж, проморгали, так нечего на правила ссылаться... Но ты не бойся, Сань, наверстаем.

И словно в подтверждение его слов один из капканов, поставленных неподалеку, захлопнулся. Суслик заметался, пытается вырваться. Но капкан крепко держал его за заднюю лапку.

Есть первый суслик! Счет открыт!..

Сусликов ловят капканами, петлями. Но самый распространенный и простой способ охоты на них — это «выливание». Один охотник льет в нору воду из ведра. Другой сидит на корточках позади норы. Настигнутый потоком воды, ошеломленный зверек выскакивает из гнезда. И тут его сзади схватывает вытянутая рука охотника. Суслик пищит, пытается пустить в ход свои острые зубы и вырваться. Тщетно!

Ловля пошла полным ходом. Саня перебегал от норы к норе. Всюду ребята быстро и ловко делали свое дело. Уже три десятка сусликов числилось на счету команды «Север». Все чаще раздавались возгласы:

— Подносчики, сюда!

— Скорей воды!

Подносчики — шесть самых крепких ребят — носились от колодца к норам и обратно. Точнее говоря, к колодцу они, действительно, неслись, а уж обратно, с полными ведрами, еле тащились, то и дело останавливаясь, чтобы переменить руку. Шутка сказать, пронести двести метров ведро воды!

И вот тут-то и обнаружилось слабое место команды. Нехватка воды давала себя знать все больше и больше. Саня сам включился в дело, бегал с ведрами от колодца к норам. Он долго бодрился, но усталость сказывалась все сильнее. Руки совсем ослабли. В конце концов, перетаскивая очередное ведро, Саня упал, разлил воду.

— Меняться! — подал он команду.

Теперь бывшие подносчики встали на ловлю. Число трофеев опять быстро пошло вверх.

— Санька, иди сюда, — позвал один из охотников. — Не пойму, что получается. Целое ведро воды в нору вылил, а суслик все сидит.

— Откуда ты знаешь, что он там?

— Да вот пищит. Слушай!

Действительно, из норы слышался писк...
Странное дело!

Вылили еще ведро. Нора доверху наполнилась водой. Но суслик так и не появился.

— Утонул, — махнул рукой Саня.

Подошел Женя Попов, главный судья соревнований. Он все утро провел у ребят команды «Юг», а теперь пришел посмотреть, как идут дела у «северных».

— Ничего не утонул, — сказал он, — просто вам суслик бывалый попался. Он как воду почуял, сразу задом повернулся и заткнул нору своим телом, как пробкой. Теперь он постепенно пропускает воду в глубь норы. А там она впитается в землю, и дело с концом...

Нет, нет, не лейте больше, бесполезно. Только время даром потеряете.

— А что, его теперь так и оставить? — спросил Саня.

— Сколько воды вылили! — зашумели ребята, столпившиеся возле странной норы.

— Зачем оставлять? Обождите, пока вода уйдет, а потом подожгите тряпку или бумагу и суньте в нору, — посоветовал Женя.

Ребята так и сделали. Суслик долго не показывался. Они заспорили, жив ли он или задохся. А суслик в это время как выскочит из норы! Саня шарахнулся в сторону. Суслик перебежал через поле и исчез в пшенице. Поминай, как звали!

Ребята долго хохотали, а Сане было обидно до слез. Какого-то суслика испугался!..

Сто сорок пять сусликов поймали «северные» к тому времени, когда Женя объявил перерыв на обед.

— Мы не голодные, — запротестовали ребята. — Будем дальше ловить.

Но Женя был неумолим:

— Условия соревнования — это закон. Понятно?

Возможно, главный судья оказался бы более уступчивым, если бы не думал в этот момент об ароматном, наваристом, обжигающем борще.

Женя пошел к «южным» узнать, сколько они наловили сусликов, а Саня устало поплелся к тракторному вагончику. Взгляд его сосредоточен, брови насуплены. Оказывается, соревнование — дело нелегкое.

Навстречу попались ребята из команды «Юг».

— Гляди, «северный» капитан... Сурьезный...

Раздался смех. Саня высоко поднял голову и зашагал дальше. Ответь им слово, так они десять сдачи. Не стоит связываться...

В вагончике пусто. Ни Кати, ни других девушек — никого. Еще не вернулись. Вот тебе и борщ! И, как назло, так кушать хочется.

Саня стал шарить по полкам. Ага, вот горбушка. Черствая, правда, но ничего. Саня сел на ступеньку лестнички и принялся за еду.

Через несколько минут подошел Женя. Он часто дышал, видно, спешил.

— Готов борщ?

Саня рассмеялся.

— Не приехала еще Катя? — Женя присел рядом с Саней. — Вот видишь, что получается. Твоя любимая старшая сестра водит нас с тобой за нос. Третий выходной обещает сварить борщ — и никаких борщей. Честно это, а? По-комсомольски, а?.. Эх, эх, — он тяжело вздохнул. — А я, может, об этом борще все лето мечтаю.

Но у Сани он не нашел сочувствия. Капитана команды «Север» больше интересовали текущие дела.

— Как там у «южных», дядя Женя? — спросил он.

— Пока еще вы впереди. У них сто сорок сусликов. Но смотри, не задавайся. Они после обеда нажмут... Что это ты кушаешь? Хлеб? А ну, пошли в столовую.

— Да нет, не хочется... — застеснялся Саня.

— Пошли, пошли...

В столовой им подали густую лапшу. Саня с жадностью набросился на нее. А Женя поел немного и отодвинул от себя тарелку.

— Фу, как надоела эта преснятина... Скажи, Соня, так и будем в наш атомный век одной лапшой питаться?

Повариха пожала плечами:

— Что дают, то я и варю... Вот, говорят, в магазин привезли консервированные рассольники, борщи. Возьми и свари себе.

— Есть у меня еще время стряпней заниматься!

— Ах, да, я и забыла! Ведь ты сегодня занят: с ребяташками сусликов гоняешь.

Кругом засмеялись. Женя вспыхнул, хотел ответить порезче, но сдержался: рядом мальчик.

— А ты знаешь, сколько зерна пожирает суслик?.. А, да что тебе говорить. Все равно не поймешь. Пошли, Саня!..

Обеденный перерыв кончился. Хорошо отдохнув, ребята из Саниной команды с жаром взялись за дело.

Саня подозвал к себе капканщика Игоря.

— Останешься самым главным... Я пойду посмотрю, как дела у Витьки.

Поле «южных» — на другом конце поселка. Работа здесь шла довольно вяло. Не хватало воды. Саня постоял, посмотрел и решил, что победа уже обеспечена. На его лице появилась ехидная улыбочка. Ну, рыжий Витька, кто кого?

Из-за поворота дороги выползла повозка, запряженная ленивой клячей. На повозке лежала длинная бочка. В ней доставляли воду для столовой.

Водовоз, босоногий парнишка лет пятнадцати, важно вышагивал рядом с повозкой, с высокомерной усмешкой поглядывая на охотников за сусликами. Но вот его взгляд задержался на мальчишке, возившемся возле вертикальной норы, так называемой «торчовки».

— Тпру!

Кляча затормозила с ходу, отставила переднюю ногу, словно по команде «вольно», и тотчас же принялась дремать, блаженно полузакрыв глаза и отвесив нижнюю губу. Водовоз подошел поближе к норе. Постоял, посмотрел, потом не выдержал:

— Ну, кто так льет? Кто так льет?.. Выше держи ведро, выше... Герои! Ловцы! Тараканов вам ловить, а не сусликов... А ну, давай сюда!

Водовоз выхватил ведро из рук мальчишки и выплеснул в торчовку остаток воды. Суслик не появился.

— Тащи воду! — приказал водовоз, и мальчишка, размахивая пустым ведром, понесся к колодцу. Там он что-то замешкался. Водовоз, чертыхаясь, снял с повозки свое ведро и опустил в бочку. Вылил воду в торчковку, и через секунду суслик уже бился в его руках.

— Вот как надо ловить, — хвастанул водовоз.

— Это тебе просто повезло, — сказал подоспевший Витька. Рыжий капитан ревниво оберегал честь команды.

— Ах, повезло!

Водовоз кинулся к бочке, набрал воды и поймал еще одного суслика. Потом он вошел в раж и стал носиться по полю, заливая одну нору за другой. «Южные» обрадовались этой неожиданной помощи. Они, как мухи, облепили бочку и стали черпать из нее воду. Зачем таскать воду из колодца, когда она здесь, рядом! В бочке, по крайней мере, ведер сорок.

— Это нечестно, — заметался Саня, почувствовав, что победа ускользает из рук.

— Нет, честно! — орал Витька.

— Водовоз — не член команды! Его суслики не считаются.

— А мы его принял и в команду... Вот!

— Не имеете права!

Нетрудно предвидеть, что здесь могло произойти. Но в этот момент на повороте дороги показалась повариха Соня. Завидев ее, водовоз со всех ног кинулся к повозке.

— Вот ты где, лодырь! — подперев руками бока, закричала на него повариха. — Ужин готовить надо, котлы стоят без воды, а он тут сусликами занялся... Ах ты, бессовестный!..

Водовоз хлестнул клячу. Та дернулась, рванулась вперед — откуда только прыть взялась! Повозка, подскакивая на ухабах, помчалась к столовой, расплескивая остаток воды...

С помощью водовоза «южные» наловили не меньше двадцати сусликов. Санина команда теперь наверняка позади. Бегом к своим! Надо во что бы то ни стало догнать «южных».

Скорей, скорей... Саня бежал по дороге, ничего не видя и не слыша... Легковой газик, вынырнувший из-за угла, чуть было не наскочил на него. В последний момент шофер успел затормозить.

— Куды це ты так летишь? Не бачишь, що машина! — сердито закричал усатый дядя, сидевший рядом с шофером. — О, да це ж Саня!

— Тарас Семенович! — обрадованно воскликнул Саня, узнав бригадира тракторной бригады, в которой работала его сестра. — Ой, подвезите меня, пожалуйста, к колодцу. Мы соревнование проигрываем.

— Сидай, Петрович... По старой дружбе...

В машине Саня рассказал Тарасу Семеновичу о неслыханном вероломстве рыжего Витьки.

— О це лихо, — посочувствовал бригадир. — Як же тобі подсобить? — Он задумчиво взялся за ус.

— Давайте, тряхну стариной, Тарас Семенович, — вдруг сказал шофер и добавил просительно, уловив нерешительность во взгляде бригадира:

— Время есть, Тарас Семенович. Выходной ведь.

— Ну, давай...

Приехав на поле боя с сусликами, шофер вытащил из багажника большой резиновый шланг, присоединил один его конец к выхлопной трубе. Затем включил мотор, протянул шланг к сусликовой норе и сунул во внутрь.

Вся команда собралась вокруг норы. Что будет? Не прошло и двух секунд, как оттуда, пыхтя и отфыркиваясь, выскочил суслик. Угорел!

Не понравились отработанные газы и другим сусликам. Они выбегали из нор и попадали ребятам в руки.

— Ну, Саня, — сказал Тарас Семенович, — поздно уже. Треба ехать в бригаду...

Машина укатила, провожаемая дружным «спасибо, дяденьки!».

Время приближалось к восьми часам. Саня пересчитал пойманных сусликов. Двести одиннадцать штук. У Витькиных ребят, по подсчетам Сани, было по крайней мере на десяток меньше.

Ребята уже сняли капканы, собрали ведра... И вдруг пришло страшное известие. Его принес главный судья.

— У команды «южных» двести шестнадцать сусликов.

Ребята оцепенели.

— Не может быть! Ведь у них и двухсот не было! — вскричал Саня.

— Они только что выкурили несколько больших семейств сусликов.

Двести шестнадцать! Ребята растерянно поглядывали друг на друга. На пять сусликов больше, чем у них.

Коля Бахарев бросился к своему будильнику. До восьми оставалось ровно одна минута.

* * *

На большой поляне собрались члены обеих команд. У «северян» царит уныние. Зато Витькина команда торжествует: их победа!

Женя подвел итоги соревнования:

— По числу пойманных сусликов победила команда «Юг», — сказал он. — Но...

— Ура! — заорали Витькины приверженцы.

Женя сердито замахал руками. Стало чуть тише.

— Вот недисциплинированный народ! Договорить не дадут. Слушайте!.. Так как обе команды нарушили

важное условие — ловить сусликов только своими силами — то эти соревнования не засчитываются. Ясно?

Наступила полная тишина. У ребят вытянулись лица. Вот это да!

— Выходит, зря целый день потратили, — дрожащим голосом произнес Витька.

Женя весело посмотрел на него.

— Выше нос, капитан!.. Сколько вы сусликов поймали?

— Ну, двести шестнадцать...

— И «северная» команда двести одиннадцать. Сколько это всего будет, ребята?

— Четыреста двадцать семь, — ответили ему вразнобой.

— Четыреста двадцать семь вредителей — шутка сказать! А ты говоришь — зря день потеряли. Эх, капитан!

С места вскочил маленький Коля Бахарев.

— У меня есть предложение. Сдадим все шкурки пойманных сусликов, а на деньги купим капканы. Поровну на каждую команду. И опять в поле — соревноваться.

— Правильно!

— Вот это дело!

— А будильник ты снова стащишь? — крикнул кто-то.

Все расхохотались.

— Ну как, капитаны? — спросил Женя.

Саня вопросительно смотрит на Витьку. Тот мигает ему глазом: согласен...

Ну что ж, соревноваться, так соревноваться...

* * *

Участники самодеятельности вернулись из соседнего района лишь в десятом часу вечера — на обратном пути что-то случилось с мотором машины. У вагончика девушки застали Женю за странным занятием. Он развел огонь в очаге и кипятил воду в большой кастрюле.

— Ты что делаешь? — с удивлением опросила Катя.

Женя улыбнулся.

— А вот увидишь. Когда будет готово, я вас всех позову.

— А Саня где?

— Сейчас придет. Я его в магазин послал за... за солью... Ну, идите, не мешайте.

Но девчата не уходили, перешептывались, иронически поглядывая на необычную стряпуху. Катя зашла зачем-то в вагончик и тотчас выбежала оттуда с криком:

— Он с ума сошел, девушки! Стащил всю нашу картошку, свеклу, капусту... Честное слово, он борщ варит!.. Ну зачем продукты портить, Женя! Все равно у тебя ничего не получится. Тоже мне повар!

— Давай спорить, что будет лучше, чем у тебя... — спокойно ответил Женя, и в голосе у него звучала такая уверенность, что девчата невольно переглянулись. — Эх вы! Обещать все мастера, а как до дела...

Тут вернулся из магазина Саня.

— Отойдите, девушки, — сказал Женя, принимая у него полную сумку. — Вы мне мешаете.

И, повернувшись к ним спиной, стал колдовать у кастрюли. Саня, то и дело оглядываясь, — не подслушивают ли? — шептал ему что-то на ухо, и оба прыскали со смеху.

Минут через десять Женя торжественно объявил:

— Прошу к столу.

Сгорая от любопытства, девушки подошли к кастрюле.

— Пахнет хорошо, — одобрительно сказала Катя и первая налила себе тарелку борща. — А цвет какой!

Она зачерпнула ложку и храбро поднесла ко рту.

— Мм... Вот это борщ! Честное слово, я еще такого не ела!..

Девушки наливали себе борщ, ели, хвалили, снова наливали. Да и что говорить: борщ был в самом деле сварен на славу.

За ужином только и было разговору, что о поварском искусстве Жени. А Женя сначала скромно улыбался, потом, как бы между прочим, заметил, что для него не впервой варить такие борщи. Потом он заявил, что дома мать всегда поручала ему готовить обеды, когда ожидались гости. Соседки со всего квартала ходили за ним косяками, умоляли открыть секрет приготовления борща.

— А в самом деле, как ты варишь? — спросила Катя.

— Все дело в продуктах.

— Так ведь продукты обычные: свекла, капуста...

— А? Ну да... Но что за чем класть — вот в чем секрет, — с видом превосходства ответил Женя. — Кстати, ты знаешь, сколько ребята сегодня сусликов поймали?

Разговор перешел на другую тему...

Поздно вечером, когда Женя уже ушел, а Саню уложили спать, Катя вдруг вспомнила, что не кончила оформлять стенную газету. Ее нужно было вывесить завтра утром.

Катя взялась за работу. Наклеила заметки, нарисовала красками несколько заголовков. Потом подумала, что неплохо написать о сегодняшних охотниках за сусликами. Тем более, что в газете оставалось свободное место.

В это время под полом слышался звон стекла. Катя вышла на улицу, включила карманный фонарь и

посветила под вагончик. Оттуда выскочил Кубик и испуганно метнулся в сторону.

Что он там искал? Катя нагнулась и вдруг увидела свои кастрюльки. В одной лежала свекла, которую она еще утром приготовила для борща, в другой кислая капуста и картошка.

Как же так? Ведь Женя сварил из этих продуктов борщ!

Рядом с кастрюлями стояли две пустые стеклянные банки из-под консервов. Катя взяла одну из них, прочитала надпись на этикетке и громко рассмеялась.

Так вот в чем секрет поварского искусства Жени!

* * *

Утром Женя вместе с другими обитателями «Замка грез» направился в столовую. У конторы совхоза висел свежий номер стенной газеты. Возле нее толпился народ.

— Смотри, про тебя, — толкнул Женю локтем Дима Николаев.

— Где?

— Вот! Видишь? Заголовок «Семь тонн».

Женя пробежал глазами заметку. «Хорошую инициативу проявил комсомолец Е. Попов. Он организовал слонявшихся без дела ребят на ловлю сусликов. За один день уничтожено 427 зверьков. А так как каждый из них пожирает за сезон 16 килограммов зерна, то значит ребята сберегли семь тонн из нашего урожая. Это хорошее дело надо продолжить».

А рядом был помещен дружеский шарж. Женя верхом на коне, в виде средневекового рыцаря в латах, устремляется на полчища сусликов с пикой в руке. За ним верхом на палочках скачут босоногие ребяташки с капканами и ведрами.

Сначала рисунок Жене понравился: рыцарь симпатичный, да и вообще приятно... Но тут он заметил неладное. Рыцарь был опоясан ремнем, на котором болтались две стеклянные банки. На них было что-то написано микроскопическими буквами. Женя вгляделся. «Консервированный борщ из квашеной капусты» — гласила надпись.

— Пошли, пошли, — сразу заторопил он друзей. — Чего тут смотреть? В столовую еще опоздаем.

И поспешно отошел от стенгазеты. Ах, эта Катя...

Впрочем, Женя напрасно беспокоился. Тайну консервных банок так никто и не разгадал.

Двое на комбайне

В самый разгар уборки комбайнера укусила змея. Его увезли в районную больницу. Женя Попов остался на самоходном комбайне один. День проработал, а вечером попросил бригадира:

— Давайте мне копнильщика, Тарас Семенович! Запарился я. Соломы, сами знаете, сколько.

— Пришлю, — сказал бригадир. — Маю я одного хлопчика на примете.

Утром, когда Женя готовил комбайн к работе, кто-то спросил за его спиной:

— Вы будете товарищ Попов?

Женя обернулся. Он увидел невысокого подростка с раскосыми черными глазами и упрямым, крутым подбородком.

— Ну, я... Что тебе?

Тот вытянул руки по швам, вскинул голову, отчего стал казаться выше, и ответил коротко, по-военному:

— Эркеш Санчнев, ученик восьмого класса Горно-Алтайской средней школы. Послан к вам копнильщиком.

Женя окинул новоиспеченного помощника насмешливым взглядом:

— А ты хоть комбайн-то видел?

Глаза Эркеша блеснули.

— Я две недели работал на самоходке Васильчикова, — сказал он с достоинством.

Женя удивился. Васильчиков — лучший комбайнер совхоза. Любого-каждого к себе на комбайн не возьмет.

— Можно приступать? — спросил Эркеш.

— Ладно, давай.

Первые дни Женя недоверчиво приглядывался к новому копнильщику. Но придраться было не к чему, и он постепенно успокоился. В конце концов какая разница: четырнадцать лет или двадцать? Лишь бы дело свое делал хорошо. А работал Эркеш старательно. Женя даже стал доверять ему вождение комбайна.

Но вскоре обнаружилось, что у Эркеша есть одна странность. Он был равнодушен к... жукам. Да, да, к самым обыкновенным жукам! В кармане у него постоянно находилась небольшая коробочка с перегородками внутри. При виде какого-нибудь жука у Эркеша загорались глаза, и он не успокаивался до тех пор, пока насекомое не попадало в коробочку.

Этого Женя никак понять не мог. Конечно, ребята всегда чем-нибудь увлекаются — на то они и ребята! Не так давно и сам Женя коллекционировал марки. Потом продал коллекцию и купил голубей. Потом, когда надоело возиться с голубями, сменил их на хоккейную клюшку... Как же — нельзя ребятам без увлечений! Но чтобы так увлекаться жуками — ну, это уж слишком.

Однажды Женя, оставив комбайн на попечение Эркеша, побежал напиться воды. На полевом стане он встретил Катю Петушкову. Женя обрадовался — он ее не видел с самого начала уборки. «Как дела», «как

житье-бытие», то да се, — словом, прошло добрых полчаса, пока Женя вернулся обратно. Подошел и обмер. Комбайн стоит, на мостике никого нет...

Своего помощника он нашел шагах в двадцати от комбайна. Эркеш лежал среди пшеницы и с восторженным видом рассматривал что-то на земле.

— Почему оставил комбайн? — накинулся на него Женя.

— Да я на минуту, — ответил Эркеш и, показывая пальцем вниз, произнес благоговейно:

— Смотрите, перистокрылка большегрудая...

Произошло драматическое объяснение. Женя самым решительным тоном заявил, что если Эркеш сейчас же не выбросит свою коробочку и не перестанет возиться с жуками, то он его и близко к штурвалу не подпустит.

Эркеш, разумеется, коробочку выбрасывать не стал. Тогда Женя привел свою угрозу в исполнение. Отныне Эркеш ведал лишь соломокопнителем. Между комбайнером и копнильщиком установились холодные отношения. Они стали обращаться друг к другу на «вы» и только по фамилии.

Уборка была трудной. К концу лета пошли дожди, и хлеба полегли. Комбайнов не хватало. Механизаторы работали день и ночь, урывая для отдыха считанные часы. Женя похудел, осунулся, вскипал по малейшему поводу. Бедному Эркешу приходилось туго. Но о переходе на другой комбайн он и не заикался — гордость не позволяла.

И вот на их участке скошен последний гектар пшеницы. Женя привел свой самоходный комбайн на стан. К вечеру здесь собрались все комбайнеры бригады.

— Ну, хлопцы, завтра собираем останни шесть гектарив пшеницы. Останни во всем совхозе, — весело сказал Тарас Семенович Подопригора. — Помните, той участок на гори, де прикатывали почву... Кто туда хоче?

— Я! — поднял руку Женя.

— Добре... Ще кто?

— Что вы, Тарас Семенович, — обиженно сказал Женя. — Я один там до обеда управлюсь... Честное слово!

— Ну, смотри....

Женя не случайно попросился на этот участок. Во время сева он работал там прицепщиком. Только кончили сеять, вдруг новость: директор совхоза приказал прикатать посевы тяжелыми водоналивными катками. Механизаторы, считавшие посевные работы уже законченными, стали ворчать:

— Все у нас не как у людей. Колхозы кругом уже отсеялись, люди отдыхают, а наш директор всякую ерунду выдумывает. Где это видано — давить посевы тяжелыми катками? Это же не шоссе асфальтировать.

Кое-кто даже бросил работу. Приехал директор, разобрался и строго наказал самовольников.

Потерпевшие кричали: «Самодурство!» — и всю поносили директора. Невежда, ничего не смыслит в сельском хозяйстве, погубит урожай...

А когда появились всходы, горлодеры сразу притихли. Земли, обработанные тяжелыми катками, надолго сохранили влагу. Посевы здесь были дружные, густые, развивались быстро. Колос оказался большим, зерно крупным. Если на обычных посевах собирали по двенадцать-пятнадцать центнеров с гектара, то здесь урожай составил двадцать-двадцать пять и даже тридцать центнеров...

Рассвет следующего дня застал Женю и Эркеша в пути. Они вели комбайн на участок — километров за десять от стана.

В лицо бил холодный утренний ветер. Машина мягко шла по полевой дороге. Кругом, насколько хватал глаз,

простирались уже убранные поля. Пожелтели березки у дороги, оголилась и высохла полынь. Поблекли яркие краски прошедшего лета, степь оделась в скромный осенний наряд.

Когда прибыли на место, вдруг заговорил Эркеш, молчавший всю дорогу.

— Разрешите мне хоть сейчас комбайн поводить, — попросил он. — Всем нашим ребятам комбайнеры доверяют машины. Один только я у вас...

Он смолк.

— Сам виноват, — сказал Женя. — Не буду я из-за жуков рисковать машиной.

— При чем тут жуки? И потом какой риск? Что может случиться — ведь я знаю комбайн. Изучил, пока у Васильчикова работал.

Женя обозлился. Что он ему этим Васильчиковым глаза колет!

— Изучил... Васильчиков, небось, рад-радешенек, что от вас избавился, — усмехнулся он.

— Ну, это уж неправда. — В голосе Эркеша слышались обида и возмущение. — Он меня вашему бригадиру как лучшего рекомендовал...

Часа два они работали без остановок. На ходу нагрузили зерном автомашину.

— Зерно — высший сорт, — весело сказал шофер Сергей Платонов, вернувшись с тока. — Повезу от тебя прямо на глубинку.

— Не успеешь обратно, — забеспокоился Женя.

— Успею... Далеко ли тут!

Шофер уехал. Женя стал напевать вполголоса. У него было отличное настроение. Вот уже два гектара скошены.

Он вспомнил про копнильщика и обернулся. Эркеш стоял нахохлившись, похожий на большую печальную птицу, и машинально трамбовал солому в копнителе. Жене стало его жаль. Все-таки Эркеш парень хороший,

несмотря на своих жуков. Надо бы поставить его к штурвалу. Пусть поработает напоследок.

Но ведь он сказал, что не пустит. Неудобно теперь предлагать самому... Пусть Эркеш еще раз попросит. Это будет лучше всего.

Женя несколько раз поворачивался в сторону Эркеша, даже улыбнулся, подбадривая его. Но тот хмурился и упрямо отводил глаза в сторону. Нет, он теперь не попросит — обиделся крепко.

Из-под комбайна выпорхнула небольшая серая птичка. Женя проследил за ней взглядом.

И вдруг его осенило.

— Перепелки! — крикнул он. — Сколько их тут! Держи штурвал, Эркеш, попробую поймать.

Передав штурвал копнильщику, он прыгнул с комбайна и обождал, пока Эркеш проедет вперед. Затем, довольный своей хитростью, вошел в глубь пшеницы. Справа от него поднялись испугнутые птицы. Женя побежал за ними. Неожиданно он почувствовал, что ноги потеряли опору и, вскрикнув, полетел в пустоту...

Женя очутился на дне узкой, глубокой ямы. Сильно болела голова — падая, он ударился о что-то твердое. В яме царил полумрак — отверстие, в котором голубело небо, было довольно высоко. Женя поднялся на ноги и осмотрелся. Он увидел полусгнивший деревянный сруб.

Все ясно! Он провалился в заброшенный колодец, вырытый скотоведами, вероятно, еще в давние времена.

Уцепившись пальцами за выступы в стене, Женя попытался подтянуться. Пальцы скользили по покрытым слизью плахам. Тогда он стал карабкаться вверх, упираясь ногами, но сорвался, до крови оцарапав щеку.

Нет, самому отсюда не выбраться. Придется звать на помощь.

Женя крикнул:

— Эркеш!

Голос прозвучал глухо, как в бочке. Он обождал немного и крикнул снова:

— Эркеш, сюда!

Никто не подходил. Женя прислушался и уловил наверху мерный рокот. Конечно, Эркеш ничего не слышит — мотор работает... Что же делать? Как дать о себе знать?

Ногам стало холодно. Женя нагнулся, пощупал дно ямы. Сырой песок. Он зачерпнул горсть и швырнул наверх. Потом еще раз, еще...

Эркеш увлекся работой и ничего не замечал. Но когда он развернул комбайн, комья летящей кверху земли сразу привлекли его внимание. Через несколько минут Женя увидел в отверстии колодца его испуганное лицо.

— Кто здесь? — тихо спросил Эркеш.

— Я...

— Вы??? Что вы здесь делаете?

— Жуков для тебя ищу, — рассердился Женя. — Что ты уставился, как баран на новые ворота? Помоги выбраться.

Эркеш с готовностью протянул в яму руку.

— Да что рука! До нее еще сколько остается!

— Как же тогда?..

— Как же, как же! — передразнил его Женя. — Разыщи палку подлиннее.

— Сейчас!

Эркеш исчез. Но тут Жене пришло в голову, что никаких палок здесь нет. Кругом ни деревца. Как же быть?.. Вот если бы веревка...

Веревка? Есть веревка!

Женя снова стал кидать комья земли. Наверху показался Эркеш.

— Я еще не нашел, — сказал он.

— И не надо. Беги к комбайну, в инструментальном ящике лежит веревка.

Эркеш не двинулся с места.

— Что ты стоишь? Тащи веревку!

— Нет там веревки, — уныло произнес Эркеш.

— Есть, говорят тебе! — крикнул Женя. — Я сам положил ее туда в начале уборки...

Через минуту Эркеш вернулся к яме...

— Нет веревки. Вы знаете, я...

Женю взорвало. Ну и упрямец!

— Ты ведь даже не ходил за ней, — перебил он Эркеша. — Не мог ты за минуту успеть туда и обратно... Бегом! — рывкнул он, заметив, что тот хочет еще что-то сказать.

На этот раз Эркеш отсутствовал довольно долго. Но вот в отверстии снова показалось его скуластое лицо.

— Нет веревки, — плачущим голосом произнес он. — Я же говорил...

У Жени екнуло сердце. Положение становилось серьезным. Он ведь дал слово к обеду закончить уборку. Тарас Семенович уже доложил директору совхоза. Тот, вероятно, сообщил в район...

Послать Эркеша на полевой стан? Но пока он добежит туда, пройдет верных полтора часа, если не больше. А комбайн будет стоять. Лучше обождать, пока вернется автомашина.

— Слушай, Эркеш, — сказал Женя. — Иди на комбайн и продолжай уборку. А подъедет машина, приведи сюда шофера... И никаких там жуков — слышишь?

— Я понимаю, — обрадованно закивал головой Эркеш, и Женя подумал, что, вероятно, он сейчас благодарит судьбу, так удачно посадившую в яму прижимистого комбайнера.

...Прошло не меньше полчаса, пока у ямы снова слышались шаги. Женя увидел в отверстии сразу два лица — одно встревоженное, Эркеша, и другое — ехидно улыбающееся, Сергея Платонова.

— Как отдыхается? — спросил Сергей.

— Ну тебя к черту! — ответил Женя. — Слушай, Сергей, будь другом, тащи сюда трос.

— Понимаешь, оставил в гараже. Но ты не горюй. Зерно сvezу и захвачу трос. Я мигом обернусь... Ну, гуд

бай — и приятных сновидений. Я поехал.

— Брось мне хоть фуфайку. Закоченел я в этой проклятой яме... Спасибо.

Женя надел фуфайку и стал делать резкие движения руками, чтобы согреться.

Сергей долго не возвращался. Женя нервничал все больше и больше. Одно его утешало, — хоть комбайн не стоит. Пусть Эркеш и работает медленно, все равно уборка идет!

Рокот мотора стал громче... Комбайн проезжал неподалеку от ямы.

Лицо Эркеша снова показалось в отверстии.

— Шофер вернулся? — обрадованно спросил Женя.

Эркеш отрицательно покачал головой.

— Так чего же ты прерываешь работу? — рассердился Женя. — Нечего зря сюда бегать.

Но Эркеш от ямы не отошел.

— Мотор что-то плохо тянет, — сказал он. — Не знаю, что могло с ним случиться.

Женя встревожился.

— Ну вот! Перегрел, наверное. На какой скорости работаешь?

— На первой.

— На первой скорости перегрева не должно быть. Почему же тогда мотор стал плохо тянуть? — Женя задумался. — А! — догадался он. — Радиатор, наверное, забился половой, вот и греется мотор. Сними сетку и прочисти.

Минут через десять Эркеш прибежал снова.

— Теперь хорошо... Но работать все равно нельзя. Бункер полный, а автомашины все нет.

— Что там с Сергеем случилось! — воскликнул Женя. — Время уже подходит к полудню. Если комбайн простоит, то уборку к обеду не закончить.

— Знаешь что, не жди, — сказал он Эркешу. — В ящике лежит брезент. Расстели его на стерне, ссыпай

зерно и продолжай уборку. Понял?

— Ага!..

Сергей приехал с большим опозданием.

— Как назло, спустил скат... Пришлось ремонтировать на дороге... На, держи!

Он опустил в яму трос. Женя ухватился за конец и быстро вскарабкался наверх.

В глаза ударило яркое солнце. Женя зажмурился. А когда вновь открыл глаза и, часто моргая, посмотрел на поле, то с удивлением увидел, что почти весь участок убран. Нескошенным остался лишь маленький кусочек, в полгектара, не больше.

— Молодец, Эркеш, честное слово, — восхищенно произнес он. — На таких трудных хлебах... Никогда бы не подумал... Молодец!

— Еще бы... Ты бы мог спокойно прохлаждаться в своей яме до конца уборки, — весело прищурился Сергей.

...На бригадный стан они вернулись к обеду. Там уже все знали о происшествии и встретили Женю многозначительными улыбками. Дима Николаев с Мишей Рогачковым немедленно принялись его разыгрывать. Женя обычно «заводился с полоборота» и этим приводил своих друзей в неистовый восторг. Но на этот раз он отмолчался, быстро поел и побежал из столовой.

— Интересно, куда это он? — удивился Миша.

Повариха Соня, убиравшая со стола, метнула на него насмешливый взгляд.

— А еще друзья называются! Ничего не знают... К Кате своей понесся, вот куда.

Она приблизила к ребятам курносое лицо, сделала большие глаза и произнесла таинственным шепотом, словно заправский заговорщик:

— Скоро будет свадьба. Точно!..

Катя Петушкова встретила Женю новостью:

— Конец пришел вашему «Замку грез». Комнату вам выделили в новом доме, у клуба. И нам тоже там дали. Завтра переезжаем.

— Соседи, значит, будем, — обрадовался Женя. — Давай, Катюша, по этому поводу хоть водой чокнемся. Пить хочу — умираю!

— Саня! — позвала Катя своего братишку, вертевшегося вблизи. — Сбегай к речке, принеси дяде Жене свежей воды... Да возьми у Оли веревку. А то снова зачерпнешь глины у самого берега.

— У меня теперь своя веревка есть... Я достал.

Саня нырнул в палатку и вынес оттуда ведро с привязанной к нему веревкой. Женя случайно глянул на нее — и схватил Саню за руку.

— Дай сюда! — потребовал он.

Так и есть! Его веревка! Из двух половинок и завязана на середине морским узлом. Он сам, своими руками завязывал.

— Что за привычка такая — без спросу чужие вещи таскать? — накинулся он на мальчугана.

— Я не таскал, дядя Женя.

— Врать еще! Из моего комбайна вытащил. Она в ящике лежала.

— Не тащил я!.. Это Эркеш мне подарил.

Женя рот приоткрыл от изумления.

— Эркеш?

— Ну да, Эркеш... Я ему вчера жука такого интересного поймал — то у него есть голова, то нет. Он как обрадовался! А я увидел веревку и попросил у него, за водой ходить. Он взял и отдал. На, говорит, бери, нам она все равно ни к чему...

Зажав в руке злополучную веревку, Женя решительно зашагал к палатке, где жили ученики, приехавшие на уборку. Безобразие какое! Прислали человека, можно сказать, по государственному делу, а

он готов за своих жуков комбайн отдать. Нет, этого ему простить нельзя.

Еще издали он услышал голос Эркеша:

— Наша школьная коллекция пополнилась интересным экземпляром. Вот он. Пилюльщик. Вирус пилула вульгарис по-латыни...

Подойдя к палатке, Женя приподнял полог. Эркеш, окруженный группой ребят, стоял возле стола, по которому полз небольшой черный жук.

— ...Почему он называется пилюльщиком? — тоном заправского лектора продолжал Эркеш, не замечая Жени. — Сейчас я его трону спичкой. Посмотрите, что произойдет... Видите — он втягивает голову в переднегрудь, прижимает усики и ножки книзу. Правда, он теперь похож на пилюлю?

— Верно! — заговорили слушатели, склонившиеся над жуком.

— Вот отсюда и его название. Питается пилюльщик, в основном, мхом. Водится в умеренных широтах. Личинки живут в почве...

Женя постоял немного, послушал. Потом опустил полог и осторожно, стараясь не шуметь, отошел от палатки.

Так вот он, оказывается, для чего жуков собирает! Нет, не стоит его ругать. Из-за какой-то паршивой веревки — подумаешь, ценность! Откуда Эркеш мог знать, что он провалится в яму и веревка понадобится!.. А жук ему был нужен для коллекции. Сам пилюльщик вульгарис — подумать только!

Женя тихонько рассмеялся. Ай да Эркеш! Можно биться об заклад, что из него выйдет какой-нибудь профессор по жукам... А впрочем, кто знает! Он и комбайн водит хорошо — ничего не скажешь...

Налетел порыв ветра, резкий и яростный, как удар бича. Затрепетали ободранные стебли полыни, жалобно загудели провода на столбах. Женя запахнул полы

тужурки, сунул руки поглубже в карманы и упрямо зашагал ветру навстречу.

